

Восход драконов

Короли и чародеи (Книга № 1)

Морган Райс

Короли и чародеи

Морган Райс

Восход драконов

«Lukeman Literary Management Ltd»

2014

Райс М.

Восход драконов / М. Райс — «Lukeman Literary Management Ltd», 2014 — (Короли и чародеи)

«Кира стояла на вершине травянистого холма, упираясь ногами в замерзшую твердую почву. На нее падал снег, пока она пыталась игнорировать жалящий холод, подняв свой лук и сконцентрировавшись на мишени. Девушка прищурилась, отгородилась от остального мира – от порыва ветра, от криков отдаленных птиц – и заставила себя сосредоточиться только на тощей березе с белой корой, которая стояла вдалеке посреди ландшафта фиолетовых сосен. Сорок ярдов – это был выстрел, который оказался не под силу ни ее братьям, ни даже людям ее отца, и именно он сделал ее более решительной. Она была самой младшей в группе, единственной девушкой среди них...»

© Райс М., 2014
© Lukeman Literary Management
Ltd, 2014

Содержание

О Морган Райс	6
Избранные отзывы о Морган Райс	7
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Морган Райс

Восход драконов

Авторское право 2011 Морган Райс

Все права защищены. Кроме случаев, разрешенных в соответствии с Законом США об авторском праве от 1976 года. Никакая часть данного издания не может быть скопирована, воспроизведена или передана в любой форме и любыми средствами, или сохранена в системе базы данных или поиска информации без предварительного разрешения автора.

Эта электронная книга лицензирована только для вашего личного пользования. Эта книга не может быть повторно продана или отдана другим лицам. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или она не была куплена только для вашего личного пользования, вы должны вернуть ее или приобрести свой собственный экземпляр. Спасибо за уважение к тяжелой работы этого автора.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, является абсолютно случайным.

Jacket image Copyright RazoomGame, используется по лицензии от Shutterstock.com.

* * *

О Морган Райс

Морган Райс – автор бестселлеров № 1 «Журнал вампира», которые представляют собой серию для подростков, состоящую из 11 книг (и их число постоянно растет); серии бестселлеров № 1 «ТРИЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ» – постапокалиптический триллер, включающий в себя две книги (и их число постоянно растет); серии бестселлеров эпического фэнтези № 1 «КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ», состоящей из тринадцати книг (и их число постоянно растет) и новой серии эпического фэнтези «КОРОЛИ И ЧАРОДЕИ».

Книги Морган Райс доступны в аудио форматах и печатных изданиях. Переводы представлены на более чем 25 языках.

«ОБРАЩЕННАЯ» (Книга № 1 в серии «Журнал вампира»), «ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ ПЕРВОЕ» (Книга № 1 в Трилогии Выживания) и «ГЕРОИ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ» (Книга № 1 в серии «Кольцо Чародея») доступны для бесплатного скачивания на Google Play!

Морган нравится получать от вас письма, поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь посетить www.morganricebooks.com, чтобы присоединиться к списку рассылки, получить книгу бесплатно, бесплатные призы, скачать бесплатное приложение, получить самые последние эксклюзивные новости, связаться по Facebook и Twitter и оставаться на связи!

Избранные отзывы о Морган Райс

«Живое фэнтези, которое сплетает элементы таинственности и интриги в сюжетную линию. Книга ГЕРОИ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ рассказывает о появлении мужества и об осознании жизненной цели, которая ведет к росту, зрелости и совершенству... Для тех, кто ищет содержательные фантастические приключения, героев и действия, обеспечивающие активный ряд встреч, сосредоточенные на развитии Тора от мечтательного ребенка до молодого человека, сталкивающегося с невозможными шансами на выживание... Одно только начало обещает стать эпической серией YA (молодых совершеннолетних)» *Midwest Book Review* (Д. Донован, рецензент eBook)

«КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» содержит все ингредиенты для мгновенного успеха: заговоры, дворцовые интриги, тайны, доблестные рыцари, зарождающиеся отношения, которые сопровождаются разбитыми сердцами, обманом и предательством. Книга продержит вас в напряжении не один час и подойдет для любого возраста. Рекомендовано для постоянной библиотеки всех любителей фэнтези»

– *Books and Movie Reviews, Поберто Маммос*

«Увлекательное эпическое фэнтези Райс (КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ) включает в себя классические черты жанра – сильный сюжет, вдохновленный древней Шотландией и ее историей, хорошее чувство дворцовых интриг».

– *Kirkus Reviews*

«Мне нравится то, как Морган Райс создала характер Тора и мир, в котором он живет. Пейзаж и бродящие повсюду существа описаны очень хорошо... Я наслаждался [сюжетом]. Он был коротким и приятным... Здесь было правильное количество второстепенных персонажей, так что я не запутался. Здесь были приключения и ужасные моменты, но действия изображены не очень гротескно. Книга идеальна для подростков... Здесь начало чего-то замечательного...»

– *San Francisco Book Review*

«В этой остросюжетной первой книге эпического фэнтези КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ (которая в настоящее время включает в себя 14 книг), Райс знакомит читателей с 14-летним Торгрином «Тором» МакЛеодом, который мечтает о том, чтобы вступить в Легион, к элитным рыцарям, служащим королю... Стиль Райс является отличным и интригующим».

– *Publishers Weekly*

«[ГЕРОИ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ] является быстрым и легким романом для чтения. Концовка глав заставит вас прочитать следующие, чтобы узнать, что произошло, и вам не захочется откладывать книгу. В этой книге есть несколько опечаток, и перепутались некоторые имена, но это не отвлекает от общей истории. Конец книги побудил во мне желание немедленно достать следующую книгу, что я и сделал. Все десять книг серии «Кольцо Чародея» в настоящее время можно приобрести на Kindle, а книгу «Герои в поисках приключений» можно получить бесплатно, чтобы вы приступили к чтению!

Если вы ищете быструю и веселую книгу на время отпуска, эта книга отлично вам подойдет».

– *FantasyOnline.net*

*Порой своей судьбою люди правят. Не звезды, милый Брут, а сами
мы Виновны в том, что сделались рабами.
Уильям Шекспир «Юлий Цезарь»*

Глава первая

Кира стояла на вершине травянистого холма, упираясь ногами в замерзшую твердую почву. На нее падал снег, пока она пыталась игнорировать жалящий холод, подняв свой лук и сконцентрировавшись на мишени. Девушка прищурилась, отгородилась от остального мира – от порыва ветра, от криков отдаленных птиц – и заставила себя сосредоточиться только на тощей березе с белой корой, которая стояла вдалеке посреди ландшафта фиолетовых сосен. Сорок ярдов – это был выстрел, который оказался не под силу ни ее братьям, ни даже людям ее отца, и именно он сделал ее более решительной. Она была самой младшей в группе, единственной девушкой среди них.

Кира никогда не вписывалась в их круг. Часть ее, разумеется, хотела делать то, чего от нее ожидали и проводить время с другими девушками, занимаясь домашними делами, но в глубине души она была другой. Кира была дочерью своего отца, обладала духом воина, так же, как и он, и она не стала бы заточать себя в каменные стены их крепости, не подчинила бы свою жизнь сидению возле очага. Она была лучшим стрелком, чем эти люди – на самом деле, девушка взяла верх над лучшими лучниками своего отца – и она сделает все возможное для того, чтобы доказать им всем – в большей степени своему отцу – что ее следует воспринимать всерьез. Кира знала, что отец любит ее, но он отказывался видеть ее тем, кем она является.

Кира проводила свои лучшие тренировки вдали от форта, здесь, на этих равнинах Волиса, в одиночестве, что идеально ей подходило, поскольку она, будучи единственной девушкой в форте воинов, научилась быть одна. Она уходила сюда каждый день, на свое любимое место, высоко на вершину плато, с которого открывался вид на хаотично построенные каменные стены, где ей удавалось найти хорошие, тощие деревья, представляющие собой сложные мишени. Удар ее стрел стал вездесущим звуком, эхом раздающимся над деревней. Ни одно дерево здесь, на вершине, не избежало ее стрел, их стволы были покрыты рубцами, некоторые деревья уже наклонились.

Кира знала, что большинство лучников ее отца целились в мышей, которыми были полны эти равнины. Когда он только начала, то и сама тренировалась так делать, после чего обнаружила, что может убивать их достаточно легко. Но это ей опротивело. Кира была бесстрашной, но вместе с тем чувствительной, и убийство живого существа без причины ей не нравилось. Девушка поклялась себе, что больше никогда не станет целиться в живое существо – кроме случаев, если оно опасно или нападает на нее, как волкообразные летучие мыши, которые появляются ночью и подлетают слишком близко к форту ее отца. У нее не было угрызений совести по поводу их убийства, особенно после того случая, как ее младший брат Эйдан пострадал от укуса волкообразной летучей мыши, который делал его нездоровым в во время появления полумесяца. Кроме того, они были самыми быстрыми созданиями здесь, и Кира понимала, что если ей удастся попасть в одного из них, особенно ночью, тогда она сможет попасть в кого угодно. Однажды она потратила всю ночь во время полнолуния вдали от башни своего отца, стреляя, и на рассвете, нетерпеливо выбежав, увидела множество летучих мышей, покрывающих землю, из которых все еще торчали ее стрелы. Вокруг этих созданий собирались потрепанные сельские жители.

Кира заставила себя сосредоточиться. Она мысленно проигрывала этот выстрел, видела, как понимает свой лук, медленно оттягивает его к своему подбородку и отпускает, не колеблясь. Она знала, что настоящий выстрел происходит до того, как она выпускает стрелу. Кира видела слишком много лучников среди своих ровесников, четырнадцатилетних парней, которые натягивали свою тетиву и колебались, и знала, что их выстрелы провальные. Она сделала глубокий вдох, подняла свой лук и одним решительным движением оттянула тетиву и выпустила стрелу. Ей не нужно было даже смотреть, чтобы знать, что она попала в дерево.

Через мгновение Кира услышала стук, но она уже отвернулась в поисках другой мишени, расположенной дальше предыдущей.

Кира услышала скулеж у своих ног и посмотрела вниз на Лео, своего волка, который шел рядом с ней, как делал всегда. Он потерялся о ее ногу. Взрослый волк, который достигал ей почти до запястья, Лео защищал Киру так же, как она защищала его. Они оба представляли собой неразлучное зрелище в форте ее отца. Кира не могла никуда пойти, чтобы Лео не торопился догнать ее. И все это время он держался рядом с ней, кроме тех случаев, когда его путь пересекали белка или кролик и он исчезал на несколько часов.

«Я не забыла о тебе, мальчик», – сказала Кира, опустив руку в карман и протягивая Лео кость после дневного пира. Лео схватил ее, весело шагая рядом с девушкой.

Пока Кира шла, ее дыхание превращалось в туман перед ней, она перекинула свой лук через плечо и подышала на холодные руки. Девушка пересекла широкое плато и окинула взглядом местность. С этого обзорного пункта она видела всю сельскую местность, покатые холмы Волиса, обычно зеленые, но сейчас покрытые снегом, область крепости ее отца, расположенная в северо-восточной части королевства Эскалон. Отсюда с высоты птичьего полета Кира видела все то, что происходило в форте отца, прибывающих и уезжающих сельских жителей и воинов. Это была еще одна причина, по которой ей нравилось находиться здесь, наверху. Кире нравилось изучать древние каменные контуры форта ее отца, формы его зубчатых стен и башен, которые впечатляюще растянулись через холмы и казались бесконечными. Волис был самым высоким сооружением в сельской местности, некоторые его здания возвышались на четыре этажа и были оформлены впечатляющими уровнями зубчатых стен. Его завершала круглая башня на дальней стороне, часовня для народа, но для нее – место, куда можно взобраться, окинуть взглядом местность и побыть одной. Каменный комплекс был окружен рвом, соединяющим главную широкую дорогу с древним каменным мостом, который, в свою очередь, был окружен уровнями впечатляющих внешних насыпей, холмов, канав и стен – место, подходящее для одного из самых главных воинов Короля – ее отца.

Хотя Волис, последняя крепость перед Пламенем, находился в нескольких днях пути от Андроса, столицы Эскалона, тем не менее, он был домом для многих бывших прославленных воинов Короля. Кроме того, он стал маяком, домом для сотен сельских жителей и фермеров, которые жили в его стенах или поблизости, под его защитой.

Кира посмотрела вниз на десятки небольших глиняных домов, которые всегда были полны множеством людей – фермеров, сапожников, мясников, кузнецов и, конечно же, воинов. Все они сновали из форта в сельскую местность и обратно. Стены форта были не только местом, где можно было жить и тренироваться, они также стали бесконечным рядом мощных дворики, которые превращались в место сбора купцов. Каждый день выстраивались лотки, люди продавали свои изделия, обменивались товарами, демонстрировали дневной улов или некоторые экзотические ткани, специи или сладости, привезенные из-за моря. Дворы форта всегда были наполнены некими экзотическими запахами, исходящими то от неизвестного чая, но от готовящегося тушеного мяса. Кира могла затеряться в них на многие часы. А прямо за стенами, вдали, ее сердце начинало учащенно биться, когда она видела круглый тренировочный полигон для людей ее отца, Ворота Бойца и низкую каменную стену, окружающую его. Она с волнением наблюдала за тем, как его люди выстраивались в ровные ряды вместе со своими лошадьми, пытаясь угодить по мишеням – по щитам, свисающим с деревьев. Ей невыносимо хотелось тренироваться вместе с ними.

Вдруг Кира услышала крик. Этот голос был знаком ей так же, как и ее собственный, доносившийся со стороны сторожки у ворот. Она обернулась, тут же насторожившись. В толпе происходила какая-то суматоха, и девушка наблюдала за тем, как сквозь суетливую, рассыпающуюся толпу на главную дорогу вышел ее младший брат Эйдан, которого вели двое старших

братьев – Брэндон и Брэкстон. Кира настороженно напряглась. Судя по страданию в голосе ее маленького брата, она поняла, что старшие братья не задумали ничего хорошего.

Кира прищурилась, наблюдая за своими старшими братьями, чувствуя, как в ней поднимается знакомая злость, и неосознанно крепче сжимая свой лук. Эйдан шел между двумя братьями, каждый из которых был на фут выше другого. Они схватили его под руки и тащили против его воли подальше от форта в сельскую местность. Эйдан, маленький худой чувствительный мальчик, которому едва исполнилось десять лет, казался еще более уязвимым, будучи зажатым между двумя своими братьями, переростками семнадцати и восемнадцати лет. У каждого из них были похожие черты, сильные челюсти, гордые подбородки, темно-карие глаза и волнистые каштановые волосы – хотя Брэндон и Брэкстон носили короткие стрижки, в то время как волосы Эйдана все еще непослушно спадали ему на глаза. Они были похожи – в отличие от нее, с ее светлыми волосами и светло-серыми глазами. Одета в свои тканые колготы, шерстяную тунику и плащ, Кира была высокой и худой, слишком бледной, как ей говорили, с широким лбом и маленьким носом, благословенная поразительными чертами, которые заставляли не одного мужчину оборачиваться ей вслед. Особенно теперь, когда ей вот-вот исполнится пятнадцать, она заметила, что количество взглядов все увеличивается.

Кире было от этого неудобно. Ей не нравилось привлекать к себе внимание, и она не считала себя красивой. Внешность ее не волновала – только тренировки, доблесть и честь. Она бы предпочла быть похожей на своего отца – человека, которым она восхищалась и любила больше всего на свете, чем иметь свои изящные черты. Кира всегда смотрела в зеркало в поисках его черт в себе, тем не менее, сколько бы Кира ни смотрела, она не могла их найти.

«Я сказал, уберите от меня руки!» – крикнул Эйдан, его голос доносился навверх.

Услышав крик отчаяния своего маленького брата, мальчика, которого Кира любила больше всех в этом мире, она выпрямилась, как львица, высматривающая своего детеныша. Лео тоже застыл и ошетинился. После смерти матери Кира чувствовала, что должна присматривать за Эйданом, делать для него то, что так и не смогла сделать мама.

Брэндон и Брэкстон грубо тащили его вниз по дороге, подальше от форта, на одинокую сельскую дорогу в направлении отдаленного леса. Кира видела, что они пытаются заставить его поднять копье – слишком большое для него копье. Эйдан стал слишком легкой мишенью для их подразываний. Брэндон и Брэкстон были задирами. Они были сильными и в некоторой степени храбрыми, но преимущественно обладали бахвальством, чем настоящими навыками, и, казалось, они всегда попадают в неприятности, из которых не могут выпутаться самостоятельно. Это сводило с ума.

Кира поняла, что происходит: Брэндон и Брэкстон тащили Эйдана на одну из своих охот. Она заметила мехи с вином в их руках и поняла, что они пьяны. Девушка закипела от гнева. Словно того, что они собирались убить невинное животное, было недостаточно, теперь они еще вели своего младшего брата вместе с собой, несмотря на его сопротивление.

Сработали инстинкты Киры, и она приступила к действию, побежав вниз с холма, чтобы столкнуться с ними. Лео бежал рядом с ней.

«Ты теперь уже достаточно большой», – сказал Брэндон Эйдану.

«Самое время для тебя стать мужчиной», – сказал Брэкстон.

Спуск вниз по травяным холмам, которые Кира знала наизусть, не занял у нее много времени, и она быстро догнала их. Девушка выбежала на дорогу и остановилась перед ними, преградив им путь, тяжело дыша. Рядом с ней был Лео. Братья остановились, удивленно глядя на нее.

Кира видела, что на лице Эйдана появилось облегчение.

«Ты заблудилась?» – усмехнулся Брэкстон.

«Ты преграждаешь нам путь», – сказал Брэндон. – «Возвращайся к своим стрелам и палкам».

Они оба рассмеялись с издевкой, но Кира нахмурилась, не отступив, в то время как Лео рядом с ней зарычал.

«Убери этого зверя подальше от нас», – сказал Брэкстон, пытаясь придать своему голосу храбрости, но страх был очевиден, когда он сильнее сжал свое копьё.

«И куда это вы ведете Эйдана?» – спросила Кира смертельно серьезным голосом, глядя на братьев не моргая.

Они помедлили, их лица постепенно ожесточились.

«Мы ведем его туда, куда нам угодно», – ответил Брэндон.

«Он будет охотиться, чтобы научиться быть *мужчиной*», – сказал Брэкстон, подчеркивая это последнее слово, словно вбивая его в сестру.

Но она не сдалась.

«Он слишком юн», – настойчиво ответила Кира.

Брэкстон нахмурился.

«Кто сказал?» – спросил он.

«Я сказала».

«А ты – его мать?» – спросил Брэкстон.

Кира вспыхнула, наполненная гневом, больше чем когда-либо желая, чтобы их мать была сейчас здесь.

«Так же, как и ты – его отец», – ответила девушка.

Они все стояли в напряженной тишине, и Кира бросила взгляд на Эйдана, который смотрел на нее испуганными глазами.

«Эйдан», – спросила она брата. – «Это то, чего ты хочешь?»

Эйдан пристыженно опустил глаза вниз. Он стоял молча, избегая встречаться с ней взглядом, и Кира понимала, что брат боится заговорить и вызвать неодобрение своих старших братьев.

«Ну что ж, ты получила ответ», – сказал Брэндон. – «Он не возражает».

Кира стояла перед ними, стора от досады, желая, чтобы Эйдан заговорил, но не в силах заставить его.

«С вашей стороны неразумно брать его на свою охоту», – сказала она. – «Надвигается гроза. Скоро будет темно. Лес полон опасности. Если вы хотите научить его охотиться, возьмите его, когда он станет старше, в другой раз».

Братья раздраженно нахмурились.

«А что ты знаешь об охоте?» – спросил Брэкстон. – «Что ты поймала возле тех своих деревьев?»

«Один из них укусил тебя потом?» – добавил Брэндон.

Они оба рассмеялись, и Кира горела изнутри, думая о том, что предпринять. Если Эйдан не заговорит, она мало что может сделать.

«Ты слишком много беспокоишься, сестра», – наконец, сказал Брэндон. – «Ничто не случится с Эйданом под нашим присмотром. Мы хотим немного закалить его, а не убить. Неужели ты и правда думаешь, что ты – единственная, кто заботится о нем?»

«Кроме того, Отец наблюдает за нами», – сообщил Брэкстон. – «Неужели ты хочешь разочаровать его?»

Кира тут же посмотрела поверх их плеч и высоко, в башне, она заметила своего отца, который стоял возле открытого арочного окна и наблюдал. Девушка ощутила острое разочарование в нем о того, что он не остановил это.

Они попытались пройти мимо, но Кира упорно стояла перед ними, преграждая им путь. Казалось, что братья могли оттолкнуть ее, но Лео встал между ними, и им пришлось хорошо подумать над этим.

«Эйдан, еще не слишком поздно», – сказала брату Кира. – «Ты не должен этого делать. Ты хочешь вернуться в форт со мной?»

Девушка пристально смотрела на мальчика и видела, что его глаза полны слез, но она также видела его мучения. Последовала долгая тишина, которую не прерывало ничего, кроме завывания ветра и учащающегося снега.

Наконец, Эйдан заерзал.

“Я хочу охотиться», – нехотя пробормотал он.

Братья Киры вдруг пронеслись мимо нее, толкнув девушку в плечо, волоча за собой Эйдана. Пока они спешили вниз по дороге, Кира обернулась и наблюдала за ними. У нее появилось дурное предчувствие.

Девушка повернулась к форту и посмотрела вверх на башню, но ее отец уже ушел.

Кира наблюдала за тем, как трое ее братьев исчезают из поля зрения, удаляются в поднимающуюся бурю, в направлении Тернового Леса, и у нее засосало под ложечкой. Она думала о том, чтобы схватить Эйдана и вернуть его, но не хотела позорить мальчика.

Кира знала, что должна отпустить эту ситуацию, но не могла. Что-то в ней не позволяло этого сделать. Девушка чувствовала опасность, особенно накануне Зимней Луны. Кира не доверяла своим старшим братьям. Она знала, что они не причинят Эйдану вреда, но они были безрассудными и слишком резкими. Хуже всего то, что они были слишком уверены в своих умениях. А это плохое сочетание.

Кира больше не могла этого выносить. Если ее отец не отреагирует, то это сделает она. Теперь она была достаточно взрослой – кроме как перед самой собой, она больше ни перед кем не должна отчитываться.

Кира бросилась бежать вниз по уединенной сельской тропе вместе с Лео, направляясь прямо в Терновый Лес.

Глава вторая

Кира вошла в мрачный Терновый Лес на востоке форта. Лес был таким густым, что никто не мог ничего рассмотреть за деревьями. Пока она медленно пробиралась через него вместе с Лео, снег и лед хрустели под ее ногами. Подняв глаза вверх, Кира увидела, что над ней возвышаются терновые деревья, которые, казалось, тянутся бесконечно. Это были древние черные деревья с искривленными ветвями, напоминающими терна, и с толстыми черными листьями. Кира чувствовала, что это место проклято – ничего хорошего никогда не выходило отсюда. Люди ее отца возвращались отсюда после своей охоты ранеными, и несколько раз тролль, проравшийся через Пламя, находил здесь убежище и использовал его в качестве плацдарма, чтобы нападать на сельских жителей.

Как только Кира вошла в лес, она тут же ощутила озноб. Здесь было темнее, прохладнее, воздух был более влажным, наполненный тяжелым запахом терновых деревьев, которые пахли как разлагающаяся почва, а огромные деревья вытесняли то, что осталось от дневного света. Будучи настороженной, Кира сердилась на своих старших братьев. Было опасно отправляться сюда без сопровождения нескольких воинов, особенно во время сумерек. Каждый звук пугал ее. Раздался отдаленный крик какого-то животного, и девушка вздрогнула, обернувшись в поисках зверя. Но лес был очень густым, и она ничего не нашла.

Хотя находившийся рядом с ней Лео зарычал и внезапно погнался за ним.

«Лео!» – крикнула Кира.

Но он уже убежал.

Кира раздраженно вздохнула. Волк всегда так себя вел, когда на его пути попадалось какое-то животное. Хотя она знала, что, в конечном итоге, он вернется.

Кира продолжила свой путь, теперь уже в одиночестве, лес становился темнее. Девушка старалась идти по следу своих братьев, когда услышала отдаленный смех. Она вся превратилась во внимание, повернувшись к звуку и помчалась через густые деревья, пока не заметила своих братьев впереди.

Кира держалась позади, сохраняя приличное расстояние, не желая быть замеченной. Она знала, что если Эйдан увидит ее, ему станет стыдно и он прогонит ее прочь. Она решила, что будет наблюдать из теней, просто чтобы убедиться в том, что они не попали в неприятность. Будет лучше, если она не опозорит Эйдана, чтобы он почувствовал себя мужчиной.

Под ее ногами хрустнула ветка и Кира пригнулась, встревожившись, что этот звук выдаст ее, но ее пьяные старшие братья были рассеянными и уже находились на добрых тридцать ярдов от нее. Они шли быстро, их собственный смех приглушал звук. Судя по языку тела Эйдана, Кира видела, что он напряжен, как-будто собирается заплакать. Он крепко сжал свое копьё, словно пытался доказать самому себе то, что он – мужчина, но это было неуклюжее сжатие слишком большого копьё, и Эйдан испытывал страдания под его тяжестью.

«Поднимайся сюда!» – выкрикнул Брэкстон, повернувшись к Эйдану, который шел на несколько футов позади.

«Чего ты так боишься?» – спросил его Брэндон.

«Я не боюсь», – настаивал Эйдан.

«Тихо!» – внезапно сказал Брэндон, остановившись, вытянув ладонь перед грудью Эйдана. Впервые выражение его лица стало серьезным. Брэкстон тоже остановился, они все напряглись.

Кира укрылась за деревом, пока наблюдала за своими братьями. Они стояли на краю поляны и смотрели прямо перед собой, как-будто что-то заметили.

Девушка настороженно пробралась вперед, стараясь получить лучший обзор и, когда она прошла между двумя деревьями, то остановилась пораженная, увидев то, на что смотрели ее

братья. На поляне находился одинокий дикий кабан, который выковыривал желуди. Это был необычный дикий кабан, перед ними был настоящий монстр – Чернорогий Кабан, самый большой из всех, которых Кира когда-либо видела, с длинными закрученными клыками и тремя длинными черными заостренными рогами: один рог торчал из его носа, а два других выступали из его головы. Будучи практически одного размера с медведем, он представлял собой редкое создание, известное своей злобой и скоростью, подобной скорости света. Этого животного боялись повсюду, и ни один охотник не желал с ним встречаться.

Перед ними возникла проблема.

Кира, чьи волосы встали дыбом, хотела, чтобы Лео был здесь, тем не менее, она была благодарна за то, что волк отсутствовал, зная, что он набросился бы на кабана, а девушка не была уверена в том, что он сумел бы одержать победу в этом столкновении. Кира сделала шаг вперед, медленно снимая свой лук с плеча, в то же время инстинктивно опуская руку, чтобы схватить стрелу. Она пыталась вычислить, насколько далеко кабан находился от мальчиков, и как далеко была она сама. Девушка понимала, что ничего хорошего здесь нет. На ее пути к четкому выстрелу было слишком много деревьев, а, имея дело с животным такого размера, нельзя позволить себе допустить ошибку. Кира сомневалась в том, что одной стрелы будет достаточно для того, чтобы хотя бы свалить кабана.

Кира заметила проблеск страха на лицах своих братьев, после чего увидела, как Брэкстон и Брэндон быстро прикрыли свой страх бахвальством, что, как она знала наверняка, было подогрето выпивкой. Они оба подняли свои копья и сделали несколько шагов вперед. Брэкстон увидел, что Эйдан застыл на месте и, повернувшись, он схватил маленького мальчика за плечо и заставил его так же сделать шаг вперед.

«Появился шанс сделать из тебя мужчину», – сказал Брэкстон. – «Убей этого кабана и люди станут петь о тебе на протяжении многих поколений».

«Принеси его голову и ты прославишься на всю жизнь», – добавил Брэндон.

«Мне... страшно», – ответил Эйдан.

Брэндон и Брэкстон фыркнули, после чего рассмеялись с издевкой.

«Страшно?» – переспросил Брэндон. – «А что сказал бы Отец, если бы он услышал твои слова?»

Насторожившись, кабан поднял голову, обращая на них свои светящиеся желтые глаза, и уставился на молодых людей. На его морде появился злой оскал. Он открыл свою пасть, обнажая клыки, и изошел слюной. В то же самое время зверь издавал злое рычание, поднимающееся откуда-то из глубин его живота. Даже со своего расстояния Кира ощутила внезапный приступ страха – и она могла себе только представлять, какой страх испытывал Эйдан.

Кира побежала вперед, бросая осторожность на ветер. Она была настроена решительно подоспеть вовремя. Когда девушка находилась всего в нескольких футах позади своих братьев, она выкрикнула.

«Оставьте его в покое!»

Ее резкий голос разрезал тишину, и все ее братья развернулись, очевидно, пораженные ее появлением.

«Вы уже повеселились», – добавила она. – «Оставьте его».

В то время как Эйдан почувствовал облегчение, Брэндон и Брэкстон сердито посмотрели на сестру.

«А что ты знаешь?» – огрызнулся Брэндон. – «Прекрати вмешиваться в дела настоящих мужчин».

Рычание кабана усилилось, когда он направился к ним, и Кира, одновременно испытывая страх и ярость, сделала шаг вперед.

«Если вы достаточно глупы для того, чтобы противостоять этому зверю, тогда вперед», – сказала она. – «Но вы отправите Эйдана обратно ко мне».

Брэндон нахмурился.

«С Эйданом здесь все будет в порядке», – парировал он. – «Он как раз собирается научиться сражаться. Не так ли, Эйдан?»

Эйдан стоял молча, пораженный страхом.

Кира уже собиралась сделать другой шаг вперед и схватить руку младшего брата, когда на поляне раздался шорох. Она увидела, что кабан угрожающе приближался, по футу за раз.

«Он не нападет, если его не спровоцировать», – предупредила Кира своих братьев. – «Отпустите его».

Но они проигнорировали сестру, вместо этого оба повернулись лицом к кабану, подняв свои копыя. Они направились вперед, на поляну, словно решили доказать свою храбрость.

«Я буду целиться в его голову», – сказал Брэндон.

«А я – в горло», – согласился Брэкстон.

Кабан зарычал громче, шире открыл свою пасть, из которой текла слюна, и сделал очередной угрожающий шаг.

«Вернитесь сюда!» – в отчаянии закричала Кира.

Брэндон и Брэкстон вышли вперед, и подняв свои копыя, вдруг метнули их.

Кира в напряжении наблюдала за тем, как копыя полетели в воздухе, приготовившись к худшему. К своему ужасу, она увидела, что копые Брэндона задело ухо кабана – достаточно для того, чтобы из него потекла кровь и чтобы это спровоцировало зверя – в то время как копые Брэкстона проплыло мимо, в нескольких футах от его головы.

Впервые за все это время Брэндон и Брэкстон выглядели напуганными. Они стояли, открыв рты с онемевшим выражением на их лицах, на смену опьянению пришел страх.

Разъяренный кабан опустил свою голову, издал ужасное рычание и внезапно бросился вперед.

Кира в ужасе наблюдала за тем, как он несется на ее братьев. Этот кабан был самым быстрым созданием из всех, которые девушка когда-либо видела. Он мчался через траву так, словно был оленем.

Когда он приблизился, Брэндон и Брэкстон побежали изо всех сил, унося ноги в противоположном направлении.

Таким образом, Эйдан остался стоять, застыв на месте от страха, совершенно один. Открыв рот, он ослабил хватку и копые выпало из его руки на землю. Кира знала, что это не имело значения – Эйдан не смог бы защитить себя, даже если бы попытался. Даже взрослый человек не смог бы. И кабан, словно почувствовав это, обратил свое внимание на Эйдана, побежав прямо на него.

С колотящимся сердцем Кира приступила к действию, понимая, что у нее только один шанс на это. Не думая, девушка бросилась вперед, несясь между деревьями, уже держа лук перед собой, зная, что у нее есть только один выстрел и он должен быть идеальным. Это будет сложный выстрел, даже если кабан не будет шевелиться, из-за ее состояния паники – тем не менее, это должен быть идеальный выстрел. Только так они переживут это.

«ЭЙДАН, ПРИГНИСЬ!» – крикнула Кира.

Сначала брат не шевелился. Эйдан преграждал ей путь, мешая четкому выстрелу и, когда Кира подняла свой лук и побежала вперед, она поняла, что если Эйдан не зашевелится, ее единственный выстрел будет безуспешным. Пока Кира бежала через лес, ее ноги скользили по снегу и влажной земле. На мгновение ей показалось, что все будет потеряно.

«ЭЙДАН!» – снова крикнула она в отчаянии.

Каким-то чудом на этот раз он послушался, в последнюю секунду пригнулся к земле и предоставил Кире возможность сделать выстрел.

Когда кабан бросился на Эйдана, время для Киры вдруг замедлилось. Она почувствовала, как вошла в измененное состояние, что-то, чего она раньше никогда не испытывала, чего она

не понимала, поднялось внутри нее. Мир сузился и оказался в фокусе. Кира слышала стук своего собственного сердца, звук своего дыхания, шелест листьев, крик вороны высоко над головой. Девушка ощущала себя в большей гармонии со вселенной, чем когда-либо, словно она вошла в какую-то реальность, в которой она и вселенная являлись единым целым.

Кира почувствовала покалывание в своих ладонях от теплой, колкой энергии, которую она не понимала, словно что-то чужое вторглось в ее тело. Словно на мгновение она стала больше самой себя, кем-то более могущественным.

Кира вошла в состояние, в котором не нужно было думать, и позволила чистому инстинкту, этой новой энергии, которая текла через нее, вести себя. Она подняла свой лук и выпустила стрелу.

В ту самую секунду, как Кира это сделала, она поняла, что это был особенный выстрел. Ей не нужно было видеть, как летит стрела, чтобы знать: та летела именно туда, куда Кира и хотела – в правый глаз зверя. Она выстрелила с такой силой, что стрела вонзилась за фут до того, как кабан остановился.

Кабан вдруг захрипел, когда ноги подогнулись под ним, и упал мордой в снег. Он проскользнул по тому, что осталось от поляны, корчась, все еще живой, пока не добрался до Эйдана. Наконец, зверь остановился всего в футах от мальчика – так близко, что когда он, в конце концов, перестал шевелиться, они почти касались друг друга.

Кабан дергался на земле, и Кира, уже держа наготове другую стрелу в своем луке, сделала шаг вперед, встала над зверем и выпустила вторую стрелу в основание его черепа. Наконец, кабан перестал шевелиться.

Кира стояла на поляне в тишине, ее сердце бешено колотилось, покалывание в ее ладонях медленно отступало, энергия таяла, и она спрашивала себя, что здесь произошло. Неужели она на самом деле сделала этот выстрел?

Кира тут же вспомнила про Эйдана и, когда она развернулась и схватила брата, он взглянул на нее так, как мог посмотреть на мать – его глаза были полны страха, но он был цел и невредим. Осознав, что мальчик в порядке, Кира ощутила прилив облегчения.

Обернувшись, Кира увидела двух своих старших братьев, которые по-прежнему лежали на поляне, глядя на нее с потрясением – и благоговением. Но было в их взгляде что-то еще, нечто, что встревожило ее – подозрение. Словно она отличалась от них. Словно она была чужой. Этот взгляд Кира видела и раньше – редко, но достаточно для того, чтобы она задавала себе вопросы. Девушка отвернулась и посмотрела на мертвого зверя, огромного монстра, застывшего у ее ног. Кира спрашивала себя, как она, пятнадцатилетняя девушка, смогла сделать это. Она знала, что это было выше ее возможностей. Это было нечто большее, чем удачный выстрел.

В ней всегда было что-то, что отличало ее от других. Кира стояла, онемев, желая пошевелиться, но не в силах этого сделать. Она знала, что ее сегодня потрясло не это животное, а скорее то, как братья смотрели на нее. И девушка не могла не задавать себе уже в миллионный раз вопрос, с которым она боялась столкнуться всю свою жизнь:

Кто же она?

Глава третья

Кира шла позади своих братьев, когда они направлялись по дороге обратно в форт, наблюдая за тем, как они изнывают под тяжестью кабана. Рядом с ней шел Эйдан и Лео следовал за ней по пятам, вернувшись после своей погони за животными. Брэндон и Брэкстон шли с трудом, пока они несли мертвого зверя между собой, связав два своих копыта и перекинув через плечи. Их угрюмое настроение изменилось кардинальным образом с тех пор, как они вышли из леса вновь под открытое небо, особенно теперь, когда показался форт их отца. С каждым шагом Брэндон и Брэкстон становились все более уверенными, практически вернувшись к своему высокомерию. Теперь они вновь начали смеяться, перебивая друг друга, пока хвастались *своими* умениями.

«Это *мое* копыто задело его», – сказал Брэндон Брэкстону.

«Но», – парировал Брэкстон. – «Это мое копыто подстегнуло его свернуть на стрелу Киры».

Пока Кира слушала, ее лицо краснело от их лжи. Ее упрямые братья уже убеждали самих себя в своей собственной истории и теперь, казалось, сами в нее поверили. Она уже предвкушала их хвастовство, когда они вернутся в зал их отца и станут рассказывать о *своих* умениях.

Это сводило с ума. Тем не менее, Кира считала ниже своего достоинства поправлять их. Она твердо верила в колеса правосудия и знала, что рано или поздно правда выйдет наружу.

«Вы – лжецы», – произнес Эйдан, который шел рядом с Кирой. Было очевидно, что он все еще потрясен произошедшим. – «Вы знаете, что это Кира убила кабана».

Брэндон презрительно оглянулся через плечо, словно Эйдан был насекомым.

«Что *ты* можешь знать?» – спросил он младшего брата. – «Ты был слишком занят, потому что мочился в свои штаны».

Они оба рассмеялись, улучшая свою историю с каждым пройденным шагом.

«А вы не убежали, испугавшись?» – спросила Кира, защищая Эйдана, больше не в силах терпеть их издевательства.

После этих слов ее старшие братья замолчали. Кира на самом деле могла позволить им это, но ей не нужно было повышать свой голос. Она радостно шла, довольная собой, зная внутри себя, что именно она спасла жизни своих братьев. В большем удовлетворении она и не нуждалась.

Кира почувствовала маленькую ладошку на своем плече и, обернувшись, увидела Эйдана, который улыбался, утешая ее, очевидно, испытывая благодарность за то, что остался цел и невредим. Кира спрашивала себя, а оценили ли ее старшие братья то, что она сделала для них. В конце концов, если бы она не появилась в ту минуту, они тоже были бы мертвы.

Кира наблюдала за тем, как тело кабана раскачивалось перед ней с каждым шагом, и она скорчила гримасу. Ей хотелось, чтобы братья оставили его на поляне, там, где он и должен находиться. Это проклятое животное не из мест Волиса, и оно не принадлежало их территории. Это было дурное предзнаменование, особенно исходящее из Тернового Леса и особенно накануне Зимней Луны. Девушка вспомнила старую пословицу, которую она читала: *не хвастайся после того, как спасся от смерти*. Кира чувствовала, что ее братья искушают судьбу, принося мрак в свой дом. Она не могла избавиться от ощущения, что это приведет к дурным последствиям.

Они пересекли холм и перед ними растянулась крепость вместе с захватывающими ландшафтами. Несмотря на порывы ветра и все усиливающийся снег, Кира ощутила огромный прилив облегчения, оказавшись дома. Из труб поднимался дым, что означало сельскую местность, и форт ее отца излучал мягкий, уютный свет. Все было освещено огнями, отражая опускающиеся сумерки. Дорога стала шире и лучше, когда они приблизились к мосту. Они все

ускорили свой шаг и быстро пошли к последнему протяжению. На дороге было много людей, которые с нетерпением ожидали праздника, несмотря на погоду и наступающую ночь.

Кира едва ли была удивлена. Празднование Зимней Луны было одним из самых важных событий года, и все были заняты приготовлениями к предстоящему пиру. Огромная толпа людей заполнила пешеходный мост, торопясь получить свои изделия от торговцев, присоединиться к пиру, в то время как такое же количество людей выбегало через ворота, торопясь вернуться в свои дома, чтобы отпраздновать вместе со своими семьями. Быки тащили телеги и несли изделия в разные стороны, в то время как каменщики отбивали очередную новую стену, построенную, чтобы окружить форт. Звук их молотков наполнил собой воздух, перемежаясь с шумом скота и собак. Кира всегда удивлялась тому, как они работают в такую погоду, как они защищают своих руки от онемения.

Когда они поднялись на мост, смешавшись с толпой, Кира подняла глаза вверх и у нее засосало под ложечкой, когда она увидела возле ворот нескольких солдат Лорда Губернатора, назначенного Пандезией, облаченных в свою отличительную ярко-красную броню. Девушка ощутила прилив негодования, разделяя то же чувство, что и все ее люди. Присутствие людей Лорда было угнетающим в любое время, но во время Зимней Луны особенно, когда они несомненно могли быть здесь только для того, чтобы потребовать все, что они могли получить от ее народа. По ее мнению, они были мусорщиками, задирами и поглотителями для презренных аристократов, которые захватили власть со времен вторжения Пандезии.

Вина лежала на слабости бывшего Короля, который сдал им все, но от этого они получали мало хорошего. Теперь, к их позору, они вынуждены были подчиняться этим людям. Это наполняло Киру яростью. Это делало ее отца и его великих воинов – и весь ее народ – всего лишь избранными рабами. Кира отчаянно хотела, чтобы все они поднялись, чтобы они сражались за свою свободу, чтобы начали войну, в которую боялся вступить бывший Король. Тем не менее, девушка знала, что если они восстанут сейчас, им придется столкнуться с гневом Пандезианской армии. Возможно, они смогли бы удержать их, но сейчас, когда те закрепились на своих местах, у них было мало шансов.

Они добрались до моста, смешавшись с толпой и, когда они проходили мимо, люди останавливались, уставившись на них и указывая на кабана. Кира получала некоторое удовлетворение, видя, что ее братья потеют под своей ношей, пыхтя и сопя. Пока они шли, в их сторону оборачивались головы, люди – и простолюдины, и воины – стояли, затаив дыхание. Все находилось под впечатлением от этого огромного зверя. Кира также заметила несколько суеверных взглядов: некоторые люди так же, как и она, думали над тем, а не является ли это дурным предзнаменованием.

Хотя глаза всех присутствующих были обращены на братьев Киры с гордостью.

«Отличная добыча для празднования!» – выкрикнул фермер, ведя своего быка, выйдя на улицу вместе с ними.

Брэндон и Брэкстон гордо улыбались.

«Он накормит половину двора вашего отца!» – крикнул мясник.

«Как вам это удалось?» – спросил седельный мастер.

Братья обменялись взглядами, и Брэндон, наконец, улыбнулся мужчине.

«Отличный бросок и отсутствие страха», – нагло ответил он.

«Если вы не отправитесь в лес», – добавил Брэкстон. – «То не узнаете, что можете там найти».

Несколько мужчин одобрительно закричали и похлопали их по спинам. Кире удалось сдержать язык за зубами. Она не нуждалась в одобрении этих людей, она знала, что сделала.

«Они не убивали этого кабана!» – возмущенно крикнул Эйдан.

«Заткнись», – повернулся к нему Брэндон и зашипел. – «Еще одно слово и я расскажу всем, что ты обмочился в свои штаны, когда на тебя бросился кабан».

«Но я этого не делал!» – возразил Эйдан.

«А они тебе поверят?» – спросил Брэкстон.

Брэндон и Брэкстон рассмеялись, а Эйдан посмотрел на Киру, словно хотел узнать, что делать.

Девушка покачала головой.

«Не трать усилий», – сказала она брату. – «Правда всегда торжествует».

Когда они переходили мост, начали собираться толпы людей, вскоре они уже сталкивались с массами людей плечом к плечу, проходя через ров. Кира ощущала в воздухе волнение, когда опустились сумерки, вверх и вниз на мосту зажглись факелы, усилился снегопад. Кира подняла глаза перед собой и ее сердце забилося сильнее, как всегда, когда она видела огромные каменные арочные ворота в форт, охраняемые десятком людей ее отца. Сверху виднелись шипы железных решеток, которые сейчас были подняты. Их заостренные края и толстые решетки были достаточно сильными для того, чтобы не впускать ни одного противника, готовые закрыться при одном только звуке рога. Ворота поднялись на тридцать футов в высоту, и наверху находилась широкая площадка, растянувшаяся через весь форт, с широкими каменными зубчатыми стенами, укомплектованные дозорными, которые всегда зорко за всем следили. Кира всегда считала Волис прекрасной крепостью и гордилась им. Но что заставляло ее гордиться еще больше, так это люди внутри нее, люди ее отца, множество отличных воинов Эскалона, которые медленно перегруппировывались в Волисе после того, как разошлись после капитуляции своего Короля. Их как магнитом тянуло к ее отцу. Много раз Кира убеждала своего отца объявить себя Королем, как того хотели все его люди, но он всегда только качал своей головой и говорил, что это не для него.

Когда они приблизились к воротам, дюжина людей ее отца выехала вперед на своих лошадях, толпы расступались перед ними, когда они выехали на тренировочный полигон – на широкую круглую площадку в поле за пределами форта, окруженную низкой каменной стеной. Обернувшись, Кира наблюдала за тем, как они удаляются, и ее сердце неистово колотилось. Тренировочный полигон был ее любимым местом. Она пошла бы туда и наблюдала за их сражением часами, изучала бы каждое выполненное ими движение, то, как они скачут на своих лошадях, то, как они владеют своими мечами, бросают копья, размахивают цепями. Эти люди выехали на тренировку несмотря на надвигающуюся темноту и падающий снег, даже накануне праздника, потому что они *хотели* тренироваться, хотели улучшить свои навыки, потому что они скорее предпочли бы находиться на поле боя, чем внутри, празднуя – так же, как и она. Кира чувствовала, что это был ее настоящий народ.

Вышла другая группа людей ее отца, на этот раз пешком и, когда Кира приблизилась к воротам вместе со своими братьями, эти люди отошли в сторону вместе с толпами народа, освобождая пространство для Брэндона и Брэкстона, которые несли кабана. Они восторженно свистели и собирались вокруг – крупные, мускулистые мужчины, возвышающиеся на фут даже над ее братьями, которые и так были высокими. Бороды многих из них украшала седина. Это были закаленные мужчины тридцати-сорока лет, которые видели слишком много сражений, которые служили старому Королю и испытали унижение после его капитуляции. Это были мужчины, которые никогда бы не сдались сами. Мужчины, которые видели все и которых мало что впечатляло, но вид кабана, казалось, произвел на них впечатление.

«Ты сам убил его, не так ли?» – спросил один из них Брэндона, подходя ближе и рассматривая его ношу.

Толпа сгустилась и Брэндон и Брэкстон, наконец, остановились, наслаждаясь похвалой и восхищением этих великих мужчин, стараясь не показывать того, как тяжело они дышат.

«Мы сделали!» – гордо крикнул Брэкстон.

«Чернорогий», – воскликнул другой воин, подойдя ближе и пробежавшись рукой по спине кабана. – «Я не видел их с тех пор, как был ребенком. Я и сам помогал убивать его, но нас была группа мужчин и двое из них потеряли пальцы».

«Что ж, мы ничего не потеряли», – смело крикнул Брэкстон. – «Всего лишь наконечник копья».

Кира вспыхнула, когда все мужчины рассмеялись, очевидно, наслаждаясь убийством, в то время как другой воин, их лидер, Энвин, вышел вперед и тщательно рассмотрел кабана. Люди расступились перед ним, оказывая ему уважение.

Командир ее отца, Энвин, был любимчиком Киры из всех мужчин. Он отчитывался только перед ее отцом, превосходя других прекрасных воинов. Энвин был ей вторым отцом и она знала его столько, сколько помнила себя. Кира знала, что он очень любил ее, и он заботился о ней. А что самое важное для нее, Энвин всегда находил для нее время, показывая ей техники борьбы и оружие, чего не делали другие. Он даже несколько раз позволял ей тренироваться с мужчинами, и она наслаждалась каждым таким случаем. Энвин был самым жестким из всех, тем не менее, у него было самое доброе сердце – для тех, кого он любил. А за тех, кого он не любил, Кира боялась.

Энвин не терпел лжи, это был человек, который всегда должен был докопаться до абсолютной правды всего, какой бы мрачной она ни была. Энвин был дотошным, и когда он вышел вперед и пристально посмотрел на кабана, Кира увидела, что он остановился и начал рассматривать две раны от стрелы. Он ловко замечал детали, и если кто-то и мог распознать правду, то только Энвин.

Энвин изучал две раны, рассматривая маленький наконечник стрелы, который все еще торчал внутри, осколки древесины в том месте, в котором ее братья разломали ее стрелы. Они сделали это близко к кончику, чтобы никто не смог увидеть, что на самом деле свалило кабана. Но Энвина было невозможно провести.

Кира наблюдала за тем, как Энвин рассматривает раны, увидела, как он прищурился и поняла, что он вычислил правду с первого взгляда. Он опустил руку, снял перчатку, потянулся к глазу кабана и извлек один из наконечников стрелы. Энвин высоко поднял окровавленный наконечник, после чего медленно повернулся к братьям Киры со скептическим выражением лица.

«Наконечник копья, неужели?» – неодобрительно спросил он.

Над группой повисла напряженная тишина, когда Брэндон и Брэкстон впервые занервничали. Они начали переминаться с ноги на ногу.

Энвин повернулся к Кире.

«Или наконечник стрелы?» – добавил он, и Кира увидела, как работают его мысли, поняла, что он приходит к своим собственным выводам.

Энвин подошел к Кире, вынул стрелу из колчана девушки и поднес ее к наконечнику стрелы. Сочетание было идеальным, и все это увидели. Он многозначительно и с гордостью посмотрел на девушку, и Кайра почувствовала, что глаза всех присутствующих устремились на нее.

«Твой выстрел, не так ли?» – спросил ее Энвин. Это было скорее утверждение, чем вопрос.

Она кивнула в ответ и ровно произнесла:

«Да».

Она любила Энвина за обнаружение правды и, наконец, почувствовала себя реабилитированной.

«И это был удар, который свалил кабана», – заключил Энвин. Это было наблюдение, а не вопрос. Его голос был твердым и уверенным, когда он рассматривал зверя.

«Рядом с этими двумя ранами я не вижу других», – добавил он, пробежав рукой по туше животного, после чего остановился возле уха. Он рассмотрел его, а затем повернулся и посмотрел на Брэндона и Брэкстона с презрением. – «Если не считать эту царапину от наконечника копья раной».

Он приподнял ухо кабана, и Брэндон с Брэкстоном покраснели, когда группа воинов рассмеялась.

Другой прославленный воин ее отца сделал шаг вперед – Видар, близкий друг Энвина, худой, низкорослый человек с суровым лицом и шрамом на носу. Обладая небольшой структурой, он не вписывался в группу, но Кира знала истину – Видар был крепок, как камень, знаменит умением вести рукопашный бой. Это был один из самых крепких мужчин, которых Кира когда-либо встречала, известный тем, что мог сразить двух мужчин вдвое больше себя. Слишком много противников из-за его небольшого размера совершали ошибку, провоцируя его – только для того, чтобы получить тяжелый урок.

«Кажется, что они промахнулись», – пришел к выводу Видар. – «И девочка спасла их. Кто научил вас обоих бросать?»

Брэндон и Брэкстон сильно занервничали, очевидно, пойманные на лжи, но ни один из них не сказал ни слова.

«Это самая серьезная вещь – лгать насчет убийства», – мрачно сказал Энвин, повернувшись к братьям Киры. – «Ваш отец хочет, чтобы вы сказали правду».

Брэндон и Брэкстон стояли, переминаясь с ноги на ногу, очевидно, чувствуя себя дискомфортно. Они обменивались взглядами между собой, словно сомневались относительно того, что сказать. Впервые на памяти Киры она видела, что они не могут найти слов.

И когда они уже собирались открыть свои рты, вдруг чужой голос прорвался через толпу.

«Не имеет значения, кто его убил», – произнес он. – «Теперь он наш».

Киры и все остальные обернулись, пораженные резким незнакомым голосом, и у нее засосало под ложечкой, когда она видела группу людей Лорда, которых узнала по ярко-алой броне. Они вышли вперед через толпу, и сельские жители расступались перед ними.

Они приблизились к кабану, жадно глядя на него, и Кира видела, что они хотят эту трофейную жертву – не потому, что они в ней нуждались, просто это был их способ унижить ее народ, вырвать у них этот предмет гордости. Лео рядом с девушкой зарычал, и она положила успокаивающую руку ему на шею, сдерживая волка.

«От имени вашего Лорда Губернатора, – произнес человек Лорда, дородный солдат с низким лбом, густыми бровями, огромным животом и лицом с глупым выражением лица. – «Мы предъявляем права на этого кабана. Лорд Губернатор заранее благодарит вас за ваш дар в этот праздничный день».

Он подал знак рукой своим людям и они вышли вперед к кабану, словно желая схватить его.

Как только они это сделали, вперед вдруг вышли Энвин и Видар, которые преградили им путь.

Над толпой повисла изумленная тишина – никто никогда не противостоял людям Лорда, это было неписанное правило. Никто не желал вызывать гнев Пандезии.

«Никто не предлагал вам подарок, насколько я могу судить», – произнес Энвин стальным голосом. – «Или вашему Лорду Губернатору».

Толпа стала больше, сотни сельских жителей собирались, чтобы посмотреть на напряженное противостояние, чувствуя сопротивление. В то же самое время другие люди отступали назад, образуя пространство вокруг двух мужчин, словно напряжение в воздухе стало еще более сильным.

Кира почувствовала, как ее сердце бешено заколотилось. Она неосознанно сильнее сжала свой лук. Как бы ей ни хотелось сразаться, как бы ей ни хотелось получить свободу, она так

же знала, что ее народ не сможет осилить гнев Лорда Губернатора. Даже если каким-то чудом они одержат победу, за ними стоит Пандезианская Империя. Они могут собрать подразделения людей – огромных, подобно морю.

Тем не менее, в то же самое время Кира очень гордилась Энвином, который восстал против них. В конце концов, кто-то это сделал.

Солдат бросил на Энвина гневный взгляд.

«Ты осмеливаешься бросать вызов Лорду Губернатору?» – спросил он.

Энвин не сдавался.

«Этот кабан – наш. Никто не отдавал его вам», – ответил он.

«Он *был* ваш», – поправил его солдат. – «А теперь он принадлежит нам». – Он повернулся к своим людям. – «Возьмите этого кабана», – приказал он.

Когда люди Лорда приблизились, дюжина людей ее отца вышла вперед, поддерживая Энвина и Видара, преграждая путь людям Лорда, положив руки на оружие.

Напряжение стало таким сильным, что Кира сжимала свой лук до тех пор, пока костяшки ее пальцев не побелели. Стоя там, девушка чувствовала себя ужасно, словно она несла ответственность за все это, учитывая тот факт, что именно она убила кабана. Кира чувствовала, что вот-вот произойдет нечто плохое, и она проклинала своих братьев за то, что они принесли это дурное предзнаменование в их деревню, особенно в Зимнюю Луну. На праздники, в эти мистические дни, когда, как говорят, мертвые способны переходить из одного мира в другой, всегда происходят странные вещи. Почему ее братьям понадобилось таким образом провоцировать духов?

Когда эти люди столкнулись, воины ее отца приготовились извлечь свои мечи, все они были близки к кровопролитию, внезапно воздух разрезал голос власти, прогремевший в тишине.

«Добыча принадлежит девушке!» – произнес человек.

Это был громкий голос, наполненный уверенностью, голос, который привлекал внимание, голос, которым Кира восхищалась и уважала больше всего на свете – голос ее отца, Командира Дункана.

Когда ее отец приблизился, глаза всех присутствующих устремились на него, толпа расступалась перед ним, оказывая ему широкий почет. Он стоял здесь – гора, а не человек, вдвое выше остальных, с плечами, вдвое шире остальных, с дикой коричневой бородой и длинными каштановыми волосами, тронутыми сединой. Поверх его плеч были накинuty меха, на его поясе висели два длинных меча, а за спиной виднелось копье. Бронь Командира, черную броню Волиса, украшал дракон, вырезанный на нагруднике, что было знаком их дома. На его оружии виднелись трещины и царапины от большого количества сражений, и он проецировал опыт. Этому человека боялись, этим человеком восхищались. Все знали его как человека честного и справедливого. Кроме того, Командира любили и уважали.

«Это добыча Кирy», – повторил он, неодобрительно глядя на ее братьев, после чего повернулся и посмотрел на Киру, игнорируя людей Лорда. – «Именно она и должна решить ее судьбу».

Кира была поражена словами своего отца. Она никогда не испытывала этого, никогда не рассчитывала на то, что он возложит на ее плечи такую ответственность, что оставит за ней право принять такое сложное решение. Они оба знали, что это не просто решение относительно кабана, это решение о судьбе ее людей.

По обе стороны выстроились напряженные солдаты, каждый из которых положил руку на свой меч. Оглядывая лица всех присутствующих, которые были обращены к ней в ожидании ответа, Кира понимала, что следующий ее выбор, ее следующие слова будут самыми важными из всех, что она когда-либо произносила.

Глава четвертая

Мерк медленно шел по лесной тропе, направляясь через Уайтвуд, размышляя о своей жизни. Его сорок лет были сложным периодом, никогда прежде ему не требовалось время на то, чтобы пробираться через лес, чтобы восхищаться окружающей его красотой. Он посмотрел вниз на белые листья, хрустящие под его ногами, перемежаемые звуком его посоха, которым он стучал по лесной земле. Продолжая идти, он поднял глаза вверх, любуясь красотой эзоповских деревьев с их сверкающими белыми листьями и сияющими красными ветками, отражающимися на солнце. Листья падали, накрывая его словно снег, и впервые в своей жизни он ощущал настоящий покой.

Среднего роста и телосложения, с темными черными волосами, постоянно небритым лицом, широкой челюстью, вытянутыми скулами, огромными черными глазами и черными кругами под ними, Мерк всегда выглядел так, словно не спал много дней. И именно так он всегда себя и чувствовал. Но не сейчас. Сейчас, он, наконец, чувствовал себя отдохнувшим. Здесь, в Ур, в северо-западной части Эскалона, не было снега. Со стороны океана дули умеренные ветры, но днем ветры дули с запада, уверяя их в теплой погоде и позволяя разноцветным листьям цвести. Это также позволило Мерку надеть только плащ, без необходимости укрываться от ледящих ветров, что часто происходило в Эскалоне. Он все еще привыкал к тому, что теперь ему приходится носить плащ вместо брони, держать в руках посох вместо меча, к тому, что он стучит по листьям своим посохом вместо того, чтобы пронзать своих врагов кинжалом. Все это было для него в новинку. Мерк пытался понять, каково это стать новым человеком, которым он всегда хотел быть. Ощущение было спокойным, но неловким. Словно он притворялся кем-то, кем не является.

Мерк не был ни путешественником, ни монахом, ни мирным человеком. В его крови все еще был воин. И не просто воин – он был человеком, который сражался по своим собственным правилам, и который никогда не терпел поражения в битве. Он был человеком, который не боялся перенести свои битвы с рыцарских дорожек на переулки у таверн, которые он часто любил посещать. Мерк представлял собой такой тип, который некоторые люди называют наемником. Убийцей. Нанятым мечом. Для него существовало множество имен, некоторые были даже менее лестные, но Мерку не было дела до ярлыков, его не волновало то, что думают другие люди. Его волновало только то, что он был одним из лучших.

Словно для того, чтобы соответствовать своей роли, Мерк и сам жил под многими именами, меняя их по своей прихоти. Ему не нравилось имя, которое дал ему отец – на самом деле, и отец ему тоже не нравился – и он не собирался идти по жизни с именем, которое кто-то закрепил за ним. Мерк чаще всех менял свое имя, и пока ему это нравилось. Мерка не волновало то, как называли его другие. В жизни его волновали только две вещи: найти идеальное место, чтобы вонзить свой кинжал, и чтобы работодатели платили ему только что отчеканенным золотом – и платили много.

В раннем возрасте Мерк обнаружил, что обладает природным даром, что он превосходит всех остальных в том, что делает. Его братья, так же, как и его отец и все прославленные предки, являлись гордыми и благородными рыцарями, которые носили лучшую броню, владели лучшей сталью, гарцевали на своих лошадях, размахивали своими флагами и одерживали победы на соревнованиях, в то время как дамы бросали цветы к их ногам. Они не могли бы гордиться собой еще больше.

Хотя Мерк ненавидел помпы и всеобщее внимание... Все те рыцари казались неуклюжими в убийстве, чрезвычайно неумелыми, и Мерк не испытывал уважения по отношению к ним. Он также не нуждался в признании, орденах, флагах или в гербах, которых так жаждали

рыцари. Это было для людей, лишенных самого важного – умения, которое завладело бы жизнью мужчины быстро, тихо и продуктивно. По его мнению, о другом не следует и говорить.

Когда Мерк был молод, а его друзья – слишком маленькие, чтобы защищаться, когда их дразнили – приходили к нему, который уже был известен своим исключительным обращением с мечом, и он брал свою плату за их защиту. Их задиры больше никогда не издевались над его друзьями, когда Мерк делал свой дополнительный шаг. Слухи о его отваге разлетелись быстро и, поскольку Мерк принимал все большую и большую оплату, его навыки в убийстве процветали.

Мерк мог стать рыцарем, прославленным воином, как и его братья. Но вместо этого он избрал работу в тених. Его интересовала победа, смертельный исход, и он быстро обнаружил, что рыцари, несмотря на их красивое оружие и громоздкую броню, не могут убивать и на половину так быстро или так эффективно, как он, одинокий человек в кожаной рубашке и острым мечом в руке.

Продолжая идти, тыкая листья своим посохом, Мерк вспомнил одну ночь в таверне вместе со своими братьями, когда конкурирующие рыцари обнажили мечи. Его братья были окружены и, пока все прославленные рыцари церемонились, Мерк не стал колебаться. Он бросился через переулок со своим кинжалом и перерезал их глотки до того, как эти мужчины успели достать своим мечи.

Его братья должны были поблагодарить его за свои жизни, но вместо этого каждый из них отдалился от него. Они боялись Мерка и смотрели на него свысока. Такова была благодарность, которую он получил, и это предательство ранило его больше, чем он смог бы выразить словами. Это углубило разрыв между ними, со всей родовой знатью, со всем рыцарством. В его глазах это было лицемерием, заботой о собственных интересах. Они могли уйти вместе со своей сияющей броней и смотреть на него сверху вниз, но если бы не он и не его меч, они все погибли бы в том переулке.

Мерк продолжал идти, вздыхая, пытаясь избавиться от прошлого. Предаваясь воспоминаниям, он осознал, что на самом деле не понимает источника своего дара. Возможно, потому, что он был очень быстрым и ловким; может быть, потому, что он ловко управлял своими руками и запястьями; возможно, он обладал особенным талантом находить жизненно важные точки людей; может быть, потому, что он никогда не колебался перед тем, как сделать тот дополнительный шаг, сделать тот последний удар, который боялись сделать другие. Может быть, потому, что ему никогда не приходилось наносить удар дважды или, может быть, потому, что он умел импровизировать, мог убить любым оружием, имеющимся в его распоряжении, – птичьим пером, молотом, старым бревном. Он был способнее других, более приспособляемым и быстрым на своих ногах, что представляло собой смертельную комбинацию.

Взрослея, все эти гордые рыцари отдалялись от него, даже насмехались над ним за его спиной (но ни один из них не мог посмеяться над Мерком у него на глазах). Но сейчас, когда все они стали старше, когда их силы уменьшились и когда о нем пошла слава, он был единственным, кого вербовали на военную службу короли, в то время как все они оказались забытыми. Потому что его братья никогда не понимали того, что *рыцарство* не делает королей королями. Королей делает отвратительная, brutальная жестокость, страх, устранение твоих врагов, одного за другим, ужасное убийство, которого никто не желает совершать. И именно к нему они обращались, когда хотели, чтобы была сделана *настоящая* работа на пути к короне.

С каждым ударом своего посоха, Мерк вспоминал каждую свою жертву. Он убивал самых заклятых врагов Королей – не при помощи яда – за это они выносили приговор мелким убийцам, аптекарям и соблазнительницам. Худшие из них часто хотели убийства с заявлением, и для этого им нужен был он. Нечто ужасное, нечто публичное: кинжал в глазу; тело, оставленное разбросанным на общественной площади, свисающее из окна, чтобы все видели его во

время следующего рассвета, чтобы все задавались вопросом о том, кто осмелился противостоять Королю.

Когда старый Король Тарнис сдал свое королевство, открыл ворота для Пандезии, Мерк почувствовал себя выдохшимся, беспцельным впервые в своей жизни. Без Короля, которому он мог бы служить, ему казалось, что он плывет по течению. Нечто, что долго бродило в нем, вышло на поверхность, и по какой-то причине, которую он не понимал, Мерк начал интересоваться жизнью. Всю свою жизнь он был одержим смертью, убийством, возможностью отобрать жизнь. Это стало легким – слишком легким. Но теперь что-то в нем менялось, словно он едва мог ощущать прочную почву под ногами. Он всегда знал, из первых рук, насколько хрупкой является жизнь, как легко ее можно отобрать, но теперь он начал интересоваться тем, как сохранить ее. Жизнь была такой хрупкой, неужели ее сохранение не является более великим вызовом, чем ее лишение?

И, несмотря на то, кем он был, Мерк начал задаваться вопросом – что это за вещь, которую он отбирает у других?

Мерк не знал, что начало весь этот самоанализ, но от этого ему было очень дискомфортно. Что-то вышло на поверхность внутри него, и он устал от убийств – у него выработалось большое отвращение к этому процессу, которое когда-то доставляло ему удовольствие. Ему бы хотелось, чтобы была одна вещь, на которую он мог бы указать как на причину всего этого – возможно, убийство конкретного человека – но ее не было. Это нашло на него без причины. И это беспокоило его больше всего.

В отличие от других наемников, Мерк брался только за те дела, в которые верил. Только позже, когда он стал слишком хорош в том, что делает, когда оплата стала слишком высока, а люди, которые нуждались в нем, слишком важными, именно тогда границы для него стали размытыми, он начал принимать плату за убийство тех людей, которые не обязательно были в чем-то виноваты – возможно, вообще ни в чем не виноваты. И это то, что тревожило его.

У Мерка развилась в равной степени сильная страсть исправлять то, что он натворил, доказать другим, что он может измениться. Он хотел стереть свое прошлое, вернуть все то, что он натворил, покаяться. Мерк принес торжественную клятву самому себе о том, что он больше никогда не станет убивать, никогда не поднимет руку на другого человека, что он проведет остаток своих дней, прося у Господа прощения, посвятив себя помощи другим, став лучшим человеком. И все это привело его на эту лесную тропу, по которой он шел прямо сейчас с каждым стуком своего посоха.

Мерк увидел, что лесная тропа, которая поднималась вверх впереди, начала опускаться, освещенная белыми листьями, и он снова проверил горизонт на наличие Башни Ур. Там все еще не было ее признаков. Он знал, что рано или поздно тропа должна привести его туда, это паломничество призывало его уже на протяжении нескольких месяцев. Еще со времен своего детства Мерк был пленен рассказами о Смотрителях, о тайном орденах рыцарей-монахов, наполовину людей и наполовину кто-то еще, чья работа заключалась в том, чтобы жить в двух башнях – в Башне Ур на северо-западе и в Башне Кос на юго-востоке – и сторожить самую священную реликвию Королевства – Меч Огня. Легенда гласила, что Меч Огня поддерживает жизнь Пламени. Никто не знал наверняка, в какой башне он находится, этот тщательно хранимый секрет был известен только наиболее древним Смотрителям. Если бы его когда-либо перенесли или украли, то Пламя было бы утрачено навсегда – и Эскалон стал бы уязвимым для нападения.

Говорили, что сторожить башни было наивысшим призванием, священной и почетной обязанностью, если Смотрители принимают тебя. Мерк всегда мечтал о Смотрителях, когда был ребенком, он шел спать ночью, спрашивая себя, каково это – вступить в их ряды. Он хотел потеряться в уединении, в служении, в самоанализе, и знал, что лучшего способа, чем стать Смотрителем, нет. Мерк чувствовал, что готов. Он обменял свою броню на кожу, свой меч – на

посох, и впервые в жизни он провел полную луну без убийства или причинения вреда живой душе. Ему становилось хорошо.

Когда Мерк пересек небольшой холм, он взглянул вдаль, как делал уже несколько дней, в надежде, что эта вершина может открыть Башню Ур где-то на горизонте. Но он ничего не обнаружил – ничего, кроме леса, который тянулся насколько хватало взгляда. Тем не менее, Мерк знал, что он уже близко – после стольких дней путешествия башня не может быть так далеко.

Мерк продолжил спускаться вниз со склона тропы, лес становился все гуще, пока, у подножия, он не оказался у огромного заваленного дерева, преграждающего тропу. Он остановился и посмотрел на него, восхищаясь его размером, не будучи уверенным в том, как его обойти.

«Я бы сказал, что это достаточно далеко», – прозвучал зловещий голос.

Мерк тут же уловил в этом голосе темное намерение, нечто, в чем он стал экспертом, и ему даже не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, что последует дальше. Он услышал хруст листьев вокруг себя, и из леса вышли лица, соответствующие голосу: головорезы, каждый из которых выглядел еще более отчаянным, чем предыдущий. Эти лица принадлежали людям, которым для убийства не нужна причина. Лица обычных воров и убийц, жертвами которых становятся случайные слабые путники, которые отличались бесчувственной жестокостью. В глазах Мерка они были низшими из низших.

Мерк видел, что он окружен и понял, что угодил в ловушку. Он быстро оглянулся вокруг, не позволяя им этого заметить – сработали его старые инстинкты – и насчитал восьмерых. В руке у каждого из них был кинжал, все были облачены в лохмотья. Грязные небритые лица, грязные руки, ногти и отчаянный взгляд показывали, что они не ели уже много дней. И что им было скучно.

Мерк напрягся, когда главный вор приблизился к нему, но не потому, что испугался его – Мерк мог убить его, убить их всех, не моргнув глазом, если бы захотел. Его заставила напрячься возможность быть вовлеченным в насилие против его воли. Он был настроен решительно не нарушить свою клятву, чего бы это ни стоило.

«И что это у нас здесь?» – спросил один из них, подходя ближе, кружа вокруг Мерка.

«Похож на монаха», – сказал другой с насмешкой в голосе. – «Но эти сапоги не соответствуют».

«Может быть, он – монах, который считает себя солдатом», – рассмеялся третий.

Они все расхохотались, и один из них, олух сорока лет с отсутствующим передним зубом, наклонился вперед со своим плохим дыханием и ткнул Мерка в плечо. Прежний Мерк убил бы любого человека, который подошел хотя бы наполовину так близко.

Но новый Мерк решил стать лучшим человеком, подняться над насилием, даже если казалось, что оно само его находит. Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох, заставляя себя сохранять спокойствие.

«*Не прибегать к насилию*», – говорил он себе снова и снова.

«Что этот монах делает?» – спросил один из них. – «Молится?»

Они все опять рассмеялись.

«Твой бог не спасет тебя сейчас, парень!» – воскликнул другой.

Мерк открыл глаза и пристально посмотрел на кретина.

«Я не хочу причинять вам вреда», – спокойно произнес он.

Снова раздался смех, громче предыдущего, и Мерк осознал, что оставаться спокойным, не реагировать на насилие было самым сложным из всего, что он когда-либо делал в жизни.

«Тогда нам повезло!» – ответил один из грабителей.

Они вновь рассмеялись, после чего наступила тишина, когда их главарь сделал шаг вперед и ударил Мерка по лицу.

«Но, может быть», – произнес он серьезным голосом, так близко, что Мерк ощутил его плохой запах изо рта. – «Мы хотим причинить тебе вред».

Один из них подошел к Мерку сзади, обернул свою толстую руку вокруг его шеи и начал душить. Мерк жадно хватал ртом воздух, чувствуя, что задыхается. Захват был достаточно тесным для того, чтобы причинить ему боль, но не преградить доступ воздуха. Его мгновенным рефлексом было потянуться назад и убить этого человека. Это было бы просто – он знал идеальную точку в предплечье, которая заставила бы грабителя ослабить хватку. Но Мерк заставил себя этого не делать.

«Позволь им пройти», – сказал он самому себе. – *«Дорогая к смирению должна где-то начаться».*

Мерк стоял лицом к лицу с главарем.

«Возьмите все, что хотите», – произнес Мерк, хватая ртом воздух. – «Возьмите это и идите своей дорогой».

«А что, если мы возьмем это и останемся прямо здесь?» – ответил главарь.

«Никто не спрашивает тебя, что мы можем, а чего не можем взять, парень», – сказал другой грабитель.

Один из них сделал шаг вперед и обыскал пояс Мерка, шаря жадными руками по его немногочисленным личным вещам, которые остались у него в этом мире. Мерк заставил себя сохранять спокойствие, в то время как руки вора копались во всем, что ему принадлежало. Наконец, они извлекли его выдавший виды серебряный кинжал, его любимое оружие, но Мерк по-прежнему, как бы больно это ни было, не реагировал.

«Отпусти это», – сказал он самому себе.

«Что это?» – спросил один грабитель. – «Кинжал?»

Он взглянул на Мерка.

«С чего бы монаху вроде тебя носить кинжал?» – спросил второй.

«Что ты делаешь здесь, парень? Занимаешься резьбой по дереву?» – задал вопрос третий.

Они все рассмеялись, и Мерк стиснул зубы, спрашивая себя, сколько еще он сможет терпеть.

Грабитель, взявший нож, остановился, бросил взгляд на запястье Мерка и отдернул его рукав. Мерк приготовился к худшему, понимая, что они обнаружили это.

«Что это?» – спросил вор, схватив его запястье и подняв его вверх, пристально рассматривая.

«Похоже на лису», – сказал другой.

«Зачем монаху татуировка лисы?» – спросил третий.

Другой вор вышел вперед – высокий худой человек с рыжими волосами – и, схватив запястье Мерка, пристально его разглядывал. Он отпустил руку и взглянул на Мерка настороженными глазами.

«Это не лиса, идиоты», – сказал он своим людям. – «Это волк. Это знак человека Короля – наемника».

Мерк почувствовал, что его лицо вспыхнуло, когда он осознал, что они устали на его татуировку. Он не хотел быть обнаруженным.

Все грабители хранили молчание, глядя на его запястье, и впервые Мерк заметил колебание на их лицах.

«Это знак убийц», – сказал один из них, после чего посмотрел на него. – «Как ты получил эту отметку, парень?»

«Вероятно, он сам себе ее поставил», – ответил другой. – «Чтобы обеспечить себе безопасную дорогу».

Лидер кивнул своему человеку, который ослабил хватку на горле Мерка, и Мерк с облегчением сделал глубокий вдох. Но затем главарь поднял руку и поднес нож к горлу Мерка, и

тот задался вопросом, неужели он умрет здесь, сегодня, в этом месте. Он спрашивал себя, а не является ли это наказанием за все совершенные им убийства. Он спрашивал себя, готов ли умереть.

«Отвечай ему», – зарычал главарь. – «Ты сам поставил это себе, парень? Говорят, что нужно убить сотню людей, чтобы получить эту отметку».

Мерк тяжело дышал, последовала долгая тишина – он не знал, что сказать. Наконец, он вздохнул.

«Тысячу», – произнес Мерк.

Главарь моргнул в ответ, сбитый с толку.

«Что?» – переспросил он.

«Тысячу человек», – объяснил Мерк. – «Именно это дает возможность получить татуировку. И ее поставил мне лично Король Тарнис».

Они все потрясенно уставились на него, и над лесом повисла долгая тишина. Было так тихо, что Мерк мог слышать, как трещат насекомые. Он спрашивал себя, что произойдет дальше.

Один из грабителей разразился истерическим смехом, и другие последовали его примеру. Они громко смеялись, пока Мерк стоял там, очевидно, думая, что это самая забавная вещь из всех, которые они когда-либо слышали.

«Хорошая шутка, парень», – произнес один из них. – «Ты такой же хороший лжец, как и монах».

Главарь прижал кинжал к его горлу, достаточно сильно для того, чтобы потекла кровь.

«Я сказал – отвечай мне», – повторил он. – «Дай мне *настоящий* ответ. Ты хочешь умереть прямо сейчас, парень?»

Мерк стоял, чувствуя боль, размышляя над вопросом – он на самом деле думал об этом. Хотел ли он умереть? Это был хороший вопрос, и даже более глубокий вопрос, чем вор предполагал. Думая над ответом, действительно думая над ним, Мерк осознал, что часть его хочет умереть. Он устал от жизни, смертельно устал.

Но, обдумав все, Мерк, в конце концов, осознал, что не готов умереть. Не сейчас. Не сегодня. Не тогда, когда он готов начать все с чистого листа. Не тогда, когда он только начал наслаждаться жизнью. Он хотел получить шанс на исправление. Он хотел получить шанс служить в Башне, стать Смотрителем.

«Нет, вообще-то не хочу», – ответил Мерк.

Он, наконец, посмотрел своему противнику прямо в глаза, внутри него росла решимость.

«И поэтому», – продолжал он. – «Я дам вам шанс отпустить меня, прежде чем я убью вас».

Они все посмотрели на него в молчаливом потрясении, прежде чем главарь нахмурился и приступил к действию.

Мерк почувствовал, как лезвие снова полоснуло его по горлу, и что-то внутри него одержало верх. Это была профессиональная часть его, та самая, которую он развивал всю свою жизнь, часть его, которая больше не могла терпеть. Это означало нарушить клятву, но Мерка это больше не волновало.

Прежний Мерк так быстро вернулся назад, словно никуда и не исчезал, и в мгновение ока в нем снова проснулся убийца.

Мерк сконцентрировался и увидел движения всех своих соперников, каждый рывок, каждую точку давления, каждое уязвимое место. Им завладело желание убить их, подобно старому другу, и Мерк позволил ему взять над собой верх.

Одним мгновенным движением Мерк схватил главаря за запястье, вонзил свой палец в точку давления, выкрутил его, пока оно не хрустнуло, после чего выхватил кинжал, когда тот выпал, и одним быстрым махом разрезал мужчине горло от уха до уха.

Главарь грабителей уставился на него потрясенными глазами, прежде чем замертво рухнуть на землю.

Мерк обернулся и встретился лицом к лицу с остальными, которые потрясенно смотрели на него во все глаза, открыв рты.

Теперь пришла очередь Мерка улыбаться, когда он смотрел на них, упиваясь тем, что собирался сделать дальше.

«Иногда, парни», – сказал он. – «Вы просто выбираете не того человека.

Глава пятая

Кира стояла посреди переполненного моста, ощущая на себе взгляды всех присутствующих. Все ожидали ее решения относительно судьбы кабана. Ее щеки вспыхнули, ей не нравилось находиться в центре внимания. Хотя Кира любила своего отца за то, что он ее признавал, и ее переполняла большая гордость, особенно за то, что он возложил это решение на ее плечи.

Тем не менее, в то же самое время она ощущала большую ответственность. Кира знала – что бы она ни решила, это предрешит судьбу ее народа. Как бы она ни ненавидела пандезианцев, девушка не хотела брать на себя ответственность, бросая своих людей в войну, в которой они не могут одержать победу. Тем не менее, Кира также не хотела отступать, поощрять людей Лорда, позорить свой народ, показывать его слабым, особенно после того, как Энвин и другие так храбро противостояли противнику.

Кира осознала, что ее отец поступил мудро – отдав решение в ее руки, он сделал это так, что могло показаться, будто решение за ними, а не за людьми Лорда, и что один этот факт спас репутацию его народа. Кроме того, Кира поняла, что он вложил это решение в ее руки не без причины: должно быть, он знал, что ситуация требует голоса со стороны, чтобы помочь всем сторонам сохранить лицо – и он выбрал ее, потому что она была подходящим для этого человеком, и потому что он знал – ей не пристало совершать опрометчивые поступки, она станет голосом умеренности. Чем больше Кира думала об этом, тем больше понимала, почему отец выбрал ее: не для того, чтобы разжечь войну – для этого он мог выбрать Энвина – но чтобы помочь своим людям избежать ее.

Кира приняла решение.

«Зверь проклят», – пренебрежительно сказала она. – «Он едва не убил моих братьев. Он вышел из Тернового Леса и был убит накануне Зимней Луны, в день, когда охота запрещена. Было ошибкой пронести его через наши ворота, его следовало оставить гнить в дикой природе, которой он принадлежит».

Девушка с насмешкой повернулась к людям Лорда.

«Отнести его своему Лорду Губернатору», – сказала она, улыбнувшись. – «Вы сделаете нам одолжение».

Люди Лорда перевели взгляд с нее на кабана, и выражения их лиц изменились. Теперь они выглядели так, словно откусили что-то гнилое и больше не хотели это есть.

Кира увидела, что Энвин и остальные воины одобрительно и благодарно смотрят на нее – так же, как ее отец и все присутствующие. Она сделала это, она позволила своим людям сохранить лицо, спасла их от войны и в то же самое время ей удалось пустить колкость в Пандезию.

Ее братья бросили кабана на землю, и он приземлился в снег с глухим стуком. Они пристыженно сделали шаг назад, очевидно, испытывая боль в плечах.

Теперь все глаза устремились на людей Лорда, которые стояли, не зная, что делать. Было ясно, что слова Киры прошли глубоко, теперь они смотрели на зверя так, словно это было нечто грязное, извлеченное из недр земли. Было очевидно, что они больше его не хотят. И теперь, когда он принадлежал им, казалось, у них пропала к нему охота.

Их командир после долгого напряженного молчания подал знак рукой своим людям поднять кабана, после чего, нахмурившись, развернулся и ушел прочь, очевидно, раздраженный тем, что ее обхитрили.

Толпа разошлась, напряжение спало, и ему на смену пришло облегчение. Многие люди ее отца приблизились к Кире, одобрительно положив руки ей на плечо.

«Хорошая работа», – сказал Энвин, глядя на девушку с одобрением. – «Когда-нибудь ты станешь хорошим правителем».

Сельские жители вернулись к своим делам, вновь начались шум и суета, напряжение спало. Впереди своих людей находился Командир Дункан. Он всегда был скрытным, когда дело касалось ее, и в этот раз отец не сделал исключения. На его лице было безразличное выражение, но он кивнул дочери – пусть даже слегка, и она поняла, что это кивок одобрения.

Оглянувшись, Кира увидела, что Энвин и Видар сжимают свои копья, и ее сердце бешено забилося.

«Могу ли я присоединиться к вам?» – спросила она Энвина, зная, что они собираются на тренировочный полигон, как и остальные люди ее отца.

Энвин нервно взглянул на ее отца, зная, что тот этого не одобрит.

«Снег усиливается», – наконец, нерешительно ответил он. – «Кроме того, наступает ночь».

«Это не останавливает вас», – парировал Кира.

Энвин улыбнулся в ответ.

«Да, не останавливает», – признал он.

Энвин снова взглянул на отца Киры, и девушка, обернувшись, увидела, что он покачал головой, прежде чем развернуться и вернуться внутрь.

Энвин вздохнул.

«Они готовят пышный пир», – сказал он. – «Тебе лучше пойти внутрь».

Кира и сама уловила аромат, воздух отяжелел от прекрасного жаркого, и она увидела, что ее братья развернулись и направились внутрь вместе с дюжинами сельских жителей. Все спешили подготовиться к празднику.

Но Кира отвернулась и с тоской посмотрела на поля, на тренировочные полигоны.

«Еда может подождать», – сказала она. – «А тренировка – нет. Позволь мне пойти».

Видар улыбнулся и покачал головой.

«Ты уверена в том, что ты – девушка, а не воин?» – спросил он.

«Разве я не могу быть и тем, и другим?» – ответила Кира.

Энвин издал долгий вздох и, наконец, покачал головой.

«Твой отец с меня шкуру спустит», – произнес он.

После чего он, в конце концов, кивнул.

«Ты не примешь отрицательный ответ», – заключил Энвин. – «И в тебе больше храбрости, чем в половине моих людей. Думаю, мы можем сделать это еще раз».

* * *

Кира бежала по снежному ландшафту, следуя за Энвином, Видаром и несколькими людьми ее отца. Лео бежал рядом с ней, как обычно. Снегопад усиливался, но ее это не волновало. Она ощущала свободу и радость, как всегда, когда проходила через Ворота Бойца – низкий арочный проем, вырезанный в каменных стенах тренировочного полигона. Кира глубоко дышала, когда небо открылось и она вбежала на место, которое любила больше всего в этом мире, на его покатые зеленые холмы, теперь покрытые снегом, окруженные хаотично построенными каменными стенами, ширина и глубина которых, возможно, достигала четверти мили. Кира чувствовала, что все так, как и должно быть, когда она увидела, что все мужчины тренируются, скачут крест-накрест на своих лошадях, держа в руках копья, целясь в отдаленные мишени и улучшая свои способности. Для нее в этом и заключался смысл жизни.

Этот тренировочный полигон был предназначен для людей ее отца. И женщинам, и мальчикам, которые еще не достигли восемнадцати лет, вход сюда был воспрещен. Также не разрешалось входить сюда тем, кого не приглашали. Брэндон и Брэкстон каждый день нетерпеливо ждали приглашения. Тем не менее, Кира подозревала, что их никогда и не позовут. Ворота Бойца были для почтенных, закаленных в боях воинов, а не для таких хвастунов, как ее братья.

Кира побежала через поля, чувствуя себя более счастливой и живой, чем где-либо в другом месте на земле. Энергия была сильной, на поле находились дюжины лучших воинов ее отца, каждый из которых был облачен в различную броню. Здесь собрались воины со всех регионов Эскалона, все они со временем примкнули к форту ее отца. Здесь были мужчины с юга, из Тебуса и Лептиса; из Мидлендс, главным образом из столицы Андрос, но также с гор Кос; были представители запада из Ура; жители прибрежных районов из Тусиса и их соседи из Эсефуса. Кроме того, здесь присутствовали мужчины, которые жили возле Озера Гнева, и мужчины из таких далей, как водопады на Эверфол. Все были облачены в разноцветную броню, держали в руках разное оружие – разные люди Эскалона, но, тем не менее, представляющие свой собственный оплот. Это было ослепительное количество власти.

Ее отец, бывший чемпион Короля, человек, который вызывал большое уважение, был единственным человеком в эти дни в этом раздробленном королевстве, на которого люди могли рассчитывать. На самом деле, когда старый Король сдал свое королевство без борьбы, именно ее отец побудил людей занять трон и повести борьбу. Со временем лучшие воины бывшего Короля отыскивали его, и теперь с силой, которая росла каждый день, Волис достигал величия, которая практически соперничала со столицей. Кира осознавала, что возможно, поэтому люди Лорда чувствовали необходимость усмирить их.

В других местах по всему Эскалону Лорды Губернаторы из Пандезии не позволяли рыцарям собираться, не допускали такой свободы, опасаясь восстания. Но здесь, в Волисе, все было по-другому. Здесь у них не было выбора – им пришлось позволить это, потому что они нуждались по возможности в лучших людях, чтобы удержать Пламя.

Кира обернулась и посмотрела по сторонам, за стены, за белые покатые холмы и вдали, на далеком горизонте, даже через снегопад она увидела, пусть даже едва заметный тусклый свет Пламени. Стена огня защищала восточную границу Эскалона. Пламя, стена огня пятидесяти футов в глубину и несколько сотен в высоту, горело ярко, как всегда, освещая ночь, его очертания виднелись на горизонте. Оно становилось все более слышимым, когда опускалась ночь. Растянувшись пойти на пятьдесят миль в ширину, Пламя было единственной преградой между Эскалоном и народом дикий троллей на востоке.

Даже в таком случае достаточное количество троллей каждый год прорывались к ним, чтобы посеять хаос, и если бы не Смотрители, храбрые люди ее отца, которые поддерживали Пламя, Эскалон стал бы рабской нацией троллей. Тролли, которые боялись воды, могли атаковать Эскалон только на суше, и Пламя было единственным, что держало их на безопасном расстоянии. Смотрители держали вахту в несколько смен, патрулируя по очереди, и Пандезия нуждалась в них. В Пламени разместились так же и другие – призывники, рабы и преступники – но люди ее отца, Смотрители, были единственными настоящими солдатами среди них и единственными, кто знал, как поддерживать Пламя.

В свою очередь Пандезия позволяла Волису и их людям иметь их маленькую свободу, Волис, эти тренировочные полигоны, настоящее оружие – небольшой вкус свободы, который по-прежнему помогал им чувствовать себя свободными воинами, даже если это была всего лишь иллюзия. Они не были свободными людьми, и каждый из них это знал. Они жили в неловком балансе между свободой и рабством, которого никто не мог переварить.

Но здесь, за Воротами Бойца, по крайней мере, эти люди были свободны, как когда-то прежде, воины, которые могли соревноваться, тренироваться и оттачивать свое мастерство. Они представляли лучшее, что было в Эскалоне, являлись лучшими воинами, чем те, кого Пандезия могла предложить, все они были ветеранами Пламени и все служили по сменам, в пути, равном целому дню. Кира ничего не хотела больше, чем присоединиться к их рядам, чем разместиться в Пламени, сражаться с настоящими троллями, когда они проходили, и защищать свое королевство от вторжения.

Конечно, Кира знала, что ей никогда этого не позволят. Она была слишком юной, чтобы ее избрали для этой роли – к тому же, она была девушкой. В их рядах не было других девушек, но даже если бы и были, ее отец никогда не допустил бы этого. Его люди тоже смотрели на нее как на ребенка, когда она начала навещать их несколько лет назад, были рады ее присутствию в качестве зрителя. Но после того как мужчины ушли, она осталась позади одна, ежедневно тренируясь на пустых полях, используя их оружие и мишени. Сначала они были удивлены, когда, прибыв на место на следующий день, обнаруживали отметки от стрел в своих мишенях – и еще более удивлены тем, что они находились в центре. Но со временем они к этому привыкли.

Кира начала зарабатывать их уважение, особенно в тех редких случаях, когда ей позволяли присоединяться к ним. К сегодняшнему дню, два года спустя, все они знали, что она может угодить в мишени, которые многим из них не под силу, и их терпимость по отношению к ней превратилась в нечто еще – в уважение. Разумеется, она не сражалась в битвах, как эти мужчины, никогда не убивала человека, никогда не стояла на страже в Пламени и никогда не встречала тролля в бою. Она не могла размахивать мечом или сражаться топором или алебардой, как эти мужчины. У Киры не было их физической силы, о чем она очень жалела.

Тем не менее, Кира узнала, что она обладает природным даром владения двумя видами оружия, каждое из которых делало ее, несмотря на ее размер и пол, грозным соперником: ее лук и ее жезл. Первым она пользовалась очень естественно, в то время как на второе она наткнулась случайно несколько лун назад, когда не смогла поднять двуручный меч. Тогда мужчины смеялись над ее неспособностью взять в руки меч и, в качестве издевки, один из них насмешливо бросил ей жезл.

«Посмотрим, сможешь ли ты поднять этот жезл вместо меча!» – крикнул он, и остальные рассмеялись. Кира никогда не забудет стыд, который испытала в тот момент.

Сначала люди ее отца показали ей жезл в качестве шутки. В конце концов, они просто использовали его в качестве тренировочного оружия – эти храбрые мужчины, которые носили двуручные мечи, топоры и алебарды, которые могли разрубить дерево одним ударом. Они смотрели на ее деревянную палку как на игрушку, и это приносило ей еще меньшее уважение, чем она уже получала.

Но Кира превратила шутку в неожиданное оружие мести, оружие, которого другие боялись. Оружие, против которого не могли бороться даже многие люди ее отца. Кира удивилась тому, насколько он легкий, а еще большее удивление у нее вызвало то, что она может обращаться с ним достаточно хорошо и естественно – так быстро, что она могла нанести удар тогда, когда солдаты только поднимали свои мечи. Несколько мужчин, с которыми она сражалась, уходили после этого в синяках, и удар за ударом она завоевала к себе уважение.

Благодаря бесконечным ночам самостоятельных тренировок, самообучения, Кира освоила движения, которые поражали мужчин, движения, которые ни один из них не мог в полной мере понять. У них проснулся интерес к ее жезлу, и она обучила их. По мнению Киры, ее лук и ее жезл дополняли друг друга, каждый из них был ей в равной степени необходим: лук был нужен ей для боев с дальних расстояний, а жезл – для ближнего боя.

Кроме того, Кира обнаружила, что она обладает врожденным даром, которого не хватало мужчинам – она была ловкой. Кира была подобна блесне в море медленно передвигающихся акул. И пусть эти стареющие мужчины обладали большой силой, зато Кира могла танцевать вокруг них, могла прыгнуть в воздух, могла даже перепрыгнуть через них и приземлиться в идеальный сверток – или на ноги. А когда ее ловкость объединилась с техникой владения жезла, это стало смертельной комбинацией.

«Что она здесь делает?» – раздался сердитый голос.

Кира, которая стояла на тренировочном полигоне рядом с Энвином и Видаром, услышала приближение лошадей и, обернувшись, увидела, что к ним скачет Мальтрэн в окружении нескольких своих товарищей солдат. Он все еще тяжело дышал, поскольку держал меч после

тренировки. Он бросил на нее презрительный взгляд, и внутри у Кире все сжалось. Из всех людей ее отца Мальтрен был единственный, кому она не нравилась. Он ненавидел ее по какой-то причине с того самого дня, когда впервые увидел девушку.

Мальтрен сидел верхом на своем коне и кипел от гнева: обладая плоским носом и уродливым лицом, этот человек предпочитал ненавидеть и, казалось, он нашел мишень в Кире. Он всегда противился ее присутствию здесь, вероятно, из-за того, что она была девушкой.

«Тебе следовало бы вернуться в форт своего отца, девчонка», – сказал он. – «И готовиться к пиру вместе с другими юными, невежественными девицами».

Лео, который находился рядом с Кирой, зарычал на Мальтрена, и девушка положила успокаивающую руку на его голову, сдерживая волка.

«А почему этому волку позволено заходить на полигон?» – добавил Мальтрен.

Энвин и Видар смерили Мальтрена холодным тяжелым взглядом, вставая на сторону Кире. А сама девушка не сдавала позиции и улыбалась в ответ, зная, что она находится под их защитой и что он не сможет заставить ее уйти.

«Возможно, тебе следует вернуться назад на тренировочный полигон», – парировала она с насмешкой в голосе. – «И не докучать себе делами юных, невежественных девиц».

Мальтрен покраснел, не в силах ответить. Он развернулся, собираясь умчаться прочь, но не мог этого сделать без одной последней колкости в ее сторону.

«Сегодня мы тренируемся с копьями», – сказал он. – «Тебе лучше оставаться в стороне от настоящих мужчин, бросающих настоящее оружие».

Он развернулся и ускакал прочь вместе с другими и, пока Кира наблюдала за тем, как он удаляется, ее радость от нахождения здесь была омрачена его присутствием.

Энвин подарил ей утешающий взгляд и положил руку на ее плечо.

«Первый урок воина», – сказал он. – «Заключается в том, чтобы научиться жить с теми, кто тебя ненавидит. Нравится тебе это или нет, но ты окажешься в сражении бок о бок с ними, твоя жизнь будет зависеть от них. Часто твои враги явятся не снаружи, а изнутри».

«А те, кто не умеют сражаться, работают своими языками», – прозвучал голос.

Обернувшись, Кира увидела, что к ним, широко улыбаясь, приближается Артфаэль, который быстро встал на ее сторону, как поступал всегда. Так же, как Энвин и Видар, Артфаэль был высоким свирепым воином с лысой головой и длинной, жесткой черной бородой, который питал к ней слабость. Он был одним из тех, кто лучше всех владел мечом, и он всегда вставал на ее сторону. Кира чувствовала себя комфортно в его присутствии.

«Это всего лишь разговоры», – добавил Артфаэль. – «Если бы Мальтрен был лучшим воином, он больше беспокоился бы о себе, чем о других».

Энвин, Видар и Артфаэль оседлали своих лошадей и ускакали прочь вместе с другими воинами, а Кира стояла и наблюдала за тем, как они исчезают, задумавшись. Она спрашивала себя, почему одни люди ненавидят других. Девушка не знала, поймет ли она это когда-нибудь.

В то время как они скакали через полигон в широких кругах, Кира с благоговением рассматривала отличных боевых коней, с нетерпением ожидая того дня, когда она сможет получить своего собственного. Девушка наблюдала за тем, как мужчины скачут вокруг полигона вдоль каменных стен, их лошади иногда поскальзывались на снегу. Мужчины схватили копья, которые протянули им энергичные оруженосцы и, после того, как они сделали круг, они бросили их в дальние мишени – щиты, свисающие с веток. Когда они попадали в цель, раздавался отличный звон металла.

Кира видела, что это было сложнее, чем могло показаться – бросать оружие, пока ты сидишь верхом на коне, и несколько воинов не попали в мишень, особенно те, кто целился в щиты поменьше. Из тех, кто не промахнулся, лишь немногие угодили в центр – кроме Энвина, Видара, Артфаэля и нескольких других. Она заметила, что Мальтрен промахнулся несколько раз, бормоча проклятия себе под нос и глядя на нее, словно она была виновата в его неудаче.

Кира, желая сохранить тепло, вынула свой жезл и начала вращать и крутить его в своих руках, над своей головой, снова и снова, вертя им так, словно он был живым. Она наносила удары воображаемым врагам, отражала невидимые удары, крутила жезл в руках, над своей шеей, вокруг запястья. Жезл был словно третья рука для нее, его древесина была изношена после многих лет владения им.

В то время как мужчины кружили по полю, Кира побежала на свое собственное небольшое поле, маленький участок тренировочного полигона, от которого отказались мужчины, но который она облюбовала для себя. Небольшие части брони свисали с веревок в чаще деревьев, растянутые на всевозможные высоты, и Кира побежала через них, представляя, что каждая мишень была соперником, ударяя по каждой из них своим жезлом. Воздух был наполнен лязгом металла, пока она бежала через чащу, ударяя, размахивая и наклоняясь, когда они замалчивались на нее в ответ. В своем воображении она атаковала и славно защищалась, завоевывая армию воображаемых врагов.

«Уже убила кого-нибудь?» – послышался насмешливый голос.

Обернувшись, Кира увидела, что к ней на своем коне подъехал Мальтрэн, презрительно смеявшийся над ней, прежде чем ускакать прочь. Она кипела от злости, желая, чтобы кто-нибудь поставил его на место.

Кира сделала глубокий вдох, когда увидела, что мужчины завершили свою тренировку с копьями, спешили и образовали круг в центре поляны. Их оруженосцы бросились вперед и протянули им тренировочные деревянные мечи, сделанные из толстого дуба, которые весили практически столько же, сколько и мечи из стали. Кира держалась поближе к окраине, ее сердце забило быстрее, когда она увидела, что эти мужчины приняли боевую стойку друг против друга, больше всего на свете желая присоединиться к ним.

Прежде чем они начали, в центр круга вышел Энвин и повернулся к ним лицом.

«В этот праздник мы боремся за особую щедрость», – объявил он. – «Победитель выберет удел пиршества!»

Последовал крик азарта, когда мужчины атаковали друг друга, удары их деревянных мечей наполнили воздух, они толкали друг друга вперед и назад.

Их борьбу сопровождали звуки рога, который звучал каждый раз, когда боец получал удар и был отправлен на боковые линии. Рог звучал часто, и вскоре ряды начали редеть, и большинство мужчин теперь стояли у обочины и наблюдали.

Кира стояла на боковой линии вместе с ними, сгорая от желания сразиться, хотя ей это было запрещено. Тем не менее, сегодня был день ее рождения, теперь ей было пятнадцать лет, и она чувствовала, что готова. Ей казалось, что пришло время настоять на своем.

«Позволь мне присоединиться к ним», – умоляя, она обратилась к Энвену, который стоял рядом с ней и наблюдал.

Энвин покачал головой, не отрывая взгляда от действия.

«Сегодня мне исполняется пятнадцать лет!» – настаивала Кира. – «Позволь мне сразиться!»

Он скептически посмотрел на нее.

«Это тренировочный полигон для мужчин», – вмешался Мальтрэн, который стоял на боковой линии после того, как потерпел поражение. – «А не для юных девиц. Ты можешь сидеть и смотреть вместе с другими оруженосцами, и принести нам воды, если мы этого потребуем».

Кира вспыхнула.

«Неужели ты так боишься, что девушка может одолеть тебя?» – парировала она, не сдавая своих позиций, ощущая внутри себя волну гнева. В конце концов, она была дочерью своего отца, и никто не может так с ней говорить.

Несколько воинов рассмеялись и в этот раз Мальтрэн покраснел.

«Она права», – вмешался Видар. – «Может быть, нам следует позволить ей сразиться. Что нам терять?»

«Сражаться чем?» – парировал Мальтрен.

«Мой жезл!» – выкрикнула Кира. – «Против твоих деревянных мечей».

Мальтрен рассмеялся.

«Это будет зрелище», – сказал он.

Все глаза устремились на Энвина, которые стоял, колеблясь.

«Если ты пострадаешь, твой отец убьет меня», – произнес он.

«Я не пострадаю», – умоляла Кира.

Казалось, что он стоял целую вечность, пока, наконец, не вздохнул.

«Тогда я не вижу в этом никакого вреда», – сказал Энвин. – «Только это заставит тебя замолчать. Если эти мужчины не возражают», – добавил он, повернувшись к солдатам.

«Нет!» – в унисон крикнула дюжина людей ее отца. Все с энтузиазмом поддержали девушку.

Кира любила их за это больше, чем смогла бы выразить словами. Она видела восхищение, которое они питали по отношению к ней, ту же любовь, которую они испытывали к ее отцу. У нее было немного друзей, и эти мужчины многое значили для нее.

Мальтрен фыркнул.

«Тогда давайте позволим этой девчонке выставить себя на посмешище», – сказал он. – «Это преподаст ей урок раз и навсегда».

Прозвучал рог, и как только мужчины покинули круг, Кира бросилась внутрь.

Девушка почувствовала на себе взгляды всех присутствующих, когда мужчины устали на нее, очевидно, не ожидая подобного поворота. Она оказалась лицом к лицу с противником, высоким человеком с крепким телосложением, сильным воином, которого она знала со времен ее отца во дворе. Наблюдая за ним, Кира знала, что он является хорошим бойцом, но вместе с тем слишком самоуверенным, начинающим каждое сражение несколько безрассудно.

Мальтрен повернулся к Энвину, нахмурившись.

«Что это за оскорбление?» – спросил он. – «Я не стану сражаться с девчонкой».

«Ты оскорбляешь сам себя, опасаясь сразиться со мной», – возмущенно ответила Кира. – «У меня две руки и две ноги – так же, как и у тебя. Если ты не будешь сражаться со мной, тогда признай поражение!»

Мальтрен моргнул, после чего бросил на нее хмурый взгляд.

«Что ж, тогда хорошо», – сказал он. – «Не беги к своему отцу после того, как проиграешь».

Он бросился в атаку со всей скоростью, как она и предполагала, подняв свой деревянный меч крепко и высоко, и опустил его вниз, целясь ей в плечо. Это был шаг, который Кира предвкушала, тот самый шаг, который она видела в его исполнении много раз, тот самый, который он неуклюже предвещал движением своих рук. Его деревянный меч был сильным, но вместе с тем тяжелым и неуклюжим по сравнению с ее жезлом.

Кира пристально наблюдала за ним, ждала до последнего момента, после чего сделала шаг в сторону, позволяя сильному удару опуститься прямо на нее. Тем же движением она замахнулась своим жезлом и ударила его по плечу.

Мальтрен застонал и оступился в сторону. Он стоял, пораженный, раздраженный, вынужденный признать поражение.

«Кто-нибудь еще?» – спросила Кира, широко улыбаясь, повернувшись лицом к кругу мужчин.

Большинство мужчин улыбались, испытывая гордость за нее, глядя на то, как она выросла и достигла такого уровня. Кроме, разумеется, Мальтрена, который сердито смотрел на нее. Казалось, что он собирается бросить ей вызов, когда вдруг вперед вышел другой солдат с

серьезным выражением лица. Этот человек был ниже и шире, с небрежной рыжей бородой и свирепыми глазами. Судя по тому, как он держал свой меч, Кира могла сказать, что он держался более настороженно, чем ее предыдущий соперник. Она восприняла это как комплимент – наконец, они начали воспринимать ее всерьез.

Он атаковал, и Кира не поняла почему, но по какой-то причине знание того, что нужно делать, пришло к ней легко. Словно сработали ее инстинкты и взяли над ней верх. Она оказалась значительно легче и более ловкой, чем эти мужчины с их тяжелой броней и толстыми деревянными мечами. Хотя Кира была счастлива уклоняться от их и отказывалась сражаться на их условиях. Они сражались при помощи силы, она же сражалась при помощи скорости.

Жезл Кире двигался в руке как ее продолжение. Она вращалась так быстро, что у ее противников не было времени на то, чтобы отреагировать, они всегда только замахивались, когда она уже оказывалась позади них. Ее новый противник пошел на нее, сделав выпад на грудь, но Кира просто сделала шаг в сторону и высоко замахнулась своим жезлом, ударив его по запястью и выбила его меч из руки. После чего Кира опустила другой конец и ударила его по голове.

Протрубил рог, знаменуя ее победу, и солдат потрясенно посмотрел на нее, держась за лоб, его меч лежал на земле. Кира, рассматривая дело своих рук, осознавая, что она все еще стоит, была и сама слегка потрясена.

Кира стала человеком, который наносит удары, и теперь мужчины, больше не колеблясь, выстроились в ряд, чтобы испытать свои умения против нее.

Снежная буря продолжала бушевать, когда в наступивших сумерках зажглись факелы, а Кира сражалась с одним воином за другим. Они больше не улыбались, выражения их лиц были чрезвычайно серьезными, ошеломленными, после чего откровенно раздраженными, поскольку ни один из них не мог тронуть ее – и каждому она наносила поражение. Сражаясь с одним воином, Кира перепрыгнула через его голову, когда он нанес удар, развернувшись и приземлившись позади него, ударив его по плечу. С другим она пригнулась и свернулась клубком, неожиданно нанеся решительный удар своей левой рукой. С каждым из них ее движения были другими, частично присущие гимнасту, частично – владельцу меча, и никто не мог предугадать ее действий. Эти мужчины с позором шли к боковым линиям, каждый был потрясен необходимостью признать свое поражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.